

Невеста эльфийских кровей

Автор:

[Алина Углицкая](#)

Невеста эльфийских кровей

Алина Углицкая

Ее спаситель неразговорчив, свиреп и угрюм. У него тяжелый нрав, а лицо испещряют страшные шрамы. Говорят, он не человек. Он Зверь, пришедший из-за Пролива. Пусть так. Ей всего шестнадцать и очень хочется жить. Но так ли случайна их встреча? Куда он ее везет? И почему, сделав женой, не спешит воспользоваться супружеским правом? В оформлении обложки использованы фото с сайта shutterstock. Дизайнер Рябова А.

Пролог

Лицо...

Суровое мужское лицо, испещренное страшными шрамами.

Темная, выдубленная ветрами и солнцем кожа. Плотно сжатые губы. Серебристый ежик волос над высоким лбом. Тяжелые надбровные дуги, под которыми прячутся глаза цвета черненого серебра.

В этих глазах плещется сумрак...

Ринка может поклясться, что не знает этого мужчину. Что они никогда не встречались до этой минуты. Но почему-то он кажется ей смутно знакомым...

Опасно знакомым...

Он возникает из темноты тюремного коридора, неся с собой запах кожи и трав. Шагает к решетке, высокий, широкоплечий. Заслоняет единственный факел. Полы его плаща и носки сапог укрывает толстый слой дорожной пыли.

Ринка бледнеет под хмурым взглядом.

- Это она? - хриплый, будто надтреснутый голос.

- Да, ваше благородие.

- Открывай.

Из-за спины незнакомца выкатывается смотритель тюрьмы. Мэтр Дамерье. Маленький, кривоногий, с обвисшим брюшком и масляными глазенками.

Ринка передергивает плечами, сбрасывая с себя его липкий взгляд.

- Сейчас, сейчас, ваше благородие.

Связка ключей бренчит в потных руках.

Незнакомец не спешит дожидаться, пока смотритель найдет нужный ключ. Он сжимает замок огромной лапищей, затянутой в крагу из воловьей кожи. И Ринка вздрагивает, втягивает голову в плечи, услышав металлический хруст.

Решетка с противным скрипом сдвигается с места.

Морщась от кислого смрада, незнакомец заходит в камеру. Пару секунд смотрит на брачное ожерелье в своих руках, а потом, наклонившись, застегивает его на худенькой шее узницы. Красивое ожерелье, из чистого серебра. Спускается вниз блестящими гривнами.

Вот и все. Теперь они муж и жена. Теперь ее жизнь - его собственность.

А тяжелое серебро давит на грудь гранитной плитой.

Но уж лучше так, чем быть забитой до смерти на глазах у толпы.

Скинув плащ, он набрасывает его на хрупкие плечи девушки. Короткими, сухими движениями заворачивает в сукно дрожащее тело. Поднимает с грязной соломы, осторожно прижимает к себе.

– Благородный эрл желает как можно быстрее консуммировать брак? – слышится сальный смешок.

При звуках этого голоса Ринка закрывает глаза.

Не видеть. Не слышать. Забыть, что он существует, забыть все, что он сделал...

Когда-нибудь ей это удастся... Когда-нибудь она сможет забыть.

А сейчас каждое слово врезается, точно отравленный нож.

– Не вижу смысла терпеть до утра, – раздается над ухом. Безразлично и холодно. А мужские руки сжимают ее в железном объятии.

– О да, девица страсть как хороша. Даром, что полукровка. Я в некотором роде даже завидую вам, – тот же сальный смешок. – Но будьте с ней осторожны! Эта дрянь убила моего отца, – тяжелый вздох, от которого тянет притворством. – Несчастный повелся на ее эльфийские прелести, сделал своей законной женой, а она отравила его прямо в первую брачную ночь!

Ложь, все ложь! Но разве ее будут слушать? Кому нужна сирота, да еще полукровка? Здесь не любят ни эльфов, ни магию...

Кто заступится за нее?

Сердце Ринки колотится, как у зайчонка. Ей хочется вырваться из чужих рук, отпрянуть, зашипеть дикой кошкой. Вцепиться ногтями негодяю в лицо.

Но она не делает ни того, ни другого. Только сжимается сильнее, проглатывая свою боль вместе с колючим комком.

Незнакомец шагает на свет. И тогда она вспоминает, где могла видеть его лицо.

Он являлся к ней в детских снах. Когда-то давно...

Глава 1

– Замечательно! То, что нужно. А ну-ка, покрутись!

Ринка послушно повернулась вокруг себя. Немного неловко из-за длинного подола, расшитого тяжелыми красными бусинами. Плотный узор из таких же бусин украшал и верхнюю часть платья: высокий воротник-стойку, плечи и спускался полукругом на грудь. От этого Ринке казалось, что у нее на плечах лежит по камню, которые по очереди тянули ее то в одну, то в другую сторону.

Платье было ярким, красивым, но сшитым на более статную девушку. Ринка выглядела в нем жалко и даже жалостливо со своим бледным личиком и светлыми волосами. Воротник торчал до самого подбородка, а вот рукава оказались настолько длинны, что из-под них едва-едва выглядывали кончики пальцев.

Но матушка Ильза, похоже, никаких недостатков не замечала. Или не желала замечать.

Настоятельница монастырской школы, сложив на дородной груди пухлые руки, замерла с неподдельным восхищением на румянном лице:

– Ох, Ринкьявинн, эрл Тамаск как увидит тебя, сразу влюбится! – И тут же уже другим голосом, строгим, надменным: – И только посмей что-нибудь учудить, несносная девчонка! Помни, эрл Тамаск – твой единственный шанс устроиться в этой жизни кем-то получше полемойки в деревенском трактире!

Ринка опустила глаза. Меньше всего матушка Ильза заботилась о ее будущем. Но вот мешочек серебра, который выплачивают за каждую послушницу, ей точно не помешает.

Школа Пресвятой Девы Орриет недаром славится лучшими выпускницами, из которых получают лучшие жены. Тихие, покорные, бледные тени своих мужей. Как раз такие, как и надлежит быть женщине в этом мире.

– Иди! – матушка Ильза царственно махнула рукой на дверь. – И уши хорошенько прикрой, хоть эрл Тамаск и знает о твоей порченной крови, но это не значит, что нужно выставлять ее напоказ!

Ринка без всякой охоты поплелась в указанном направлении. Ей казалось, что каждый шаг приближает ее к эшафоту.

Еще вчера она была обычной послушницей, серой, невзрачной, неприметной на фоне более рослых и ярких сверстниц. А сегодня ей вдруг объявили, что местный эрл желает на ней жениться и платит монастырю целых пять золотых за ее никчемную душу!

Кстати, наличие души у таких, как она, ставилось Церковью под сомнение. Получеловек-полуэльф, плод греха и противоестественной связи. Отродье, не нужное ни тому миру, ни этому.

У порога Ринка немного замешкалась. Вдохнула, расправила плечи. И, отчаянно зажмурившись, толкнула дверь, будто в омут бросилась.

– А вот и ваша невеста, эрл Тамаск! – пропела матушка Ильза, подталкивая послушницу в спину. – Очень скромная и послушная девушка.

– Она слепая? У нее закрыты глаза.

Незнакомый мужской голос заставил выдохнуть и распахнуть ресницы.

Их было двое. Молодой импозантный мужчина с чуть обрюзгшим, но все еще красивым лицом стоял у окна, небрежно постукивая пальцами по подоконнику. Весь его вид выражал скуку с легким налетом презрения. Но при виде девушки,

его взгляд оживился.

Второй же сидел в кресле за круглым столом.

Почему-то первым делом Ринка увидела именно его.

Пожилой, с благородными сединами, уложенными блестящими волнами. С мутновато-голубыми глазами, спрятанными под кустистыми бровями. Тонкими губами и надменным профилем. Его морщинистые руки, испещренные старческими пятнами, лежали на серебряном набалдашнике трости.

Старик смотрел прямо на Ринку. В упор. Словно приценился.

На столе рядом с ним лежал пресловутый мешочек.

– О нет, эрл Тамаск, – визгливо засмеялась матушка и незаметно ущипнула Ринку за локоть. – У нее прекрасное зрение! И слух тоже. Девочка просто немного стесняется, ведь так? – ее гневный взгляд ожег девушку точно удар хлыста.

Пришлось растянуть губы в улыбку.

– Подойди, дитя, – прокряхтел старик. – Я хочу знать, что покупаю.

Все еще старательно улыбаясь, Ринка сделала шаг столу.

Матушка права. Замужество – это единственный шанс что-то изменить в своей жизни. Если сейчас сватовство провалится, если она не понравится престарелому жениху, ее просто сгноят в этих стенах.

А жить Ринке хотелось и даже очень. Хотелось вырваться из этой тюрьмы на волю, на солнечный свет. Вдохнуть свежий ветер, подставить лицо ясному солнышку...

Если для этого нужно выйти замуж за старика, что ж, это не самая высокая плата. В конце концов, сколько ему там осталось?

Девушка бросила на жениха внимательный взгляд из-под ресниц.

На вид ему лет семьдесят, не меньше. Такому уже не жена, сиделка нужнее. Лекарства там подавать, поправлять подушки, развлекать последними сплетнями и чтением новостей...

- Что-то она мелковата, - он с сомнением оглядел ее. - Взяться не за что.

- О, не переживайте! - засуетилась Ильза. - Шестнадцать ей исполнилось месяц назад, так что все по закону. А что мелковата... так на монастырских харчах не слишком разъешься. Откормите!

- Ты действительно наполовину эльф? - взгляд старика задержался на золотистых волосах девушки.

- Да, благородный эрл, - Ринка сделала книксен.

- Покажи!

Не поднимая глаз, она раздвинула пряди волос. Острый кончик уха предательски дернулся.

- Отец, ты уверен... - начал молодой, но старик его оборвал.

- Герхард, помолчи. Выбрать хорошую жену так же сложно, как и хорошую кобылу. Но у этой есть неоспоримые преимущества перед другими.

Последняя фраза не понравилась девушке, как и тон, которым она была сказана.

Несколько минут унизительно пристального разглядывания, и старик откинулся на спинку кресла.

- Хороша, - вынес он свой вердикт. - Беру. Здесь три золотых, как и договаривались, - кивок на стол, - еще два получите после венчания.

Матушка Ильза расплылась в подобострастной улыбке:

- Когда изволите совершить обряд?

Старик кивнул сыну. Тот выудил из кармана жилета серебряные часы-луковицу и пижонским щелчком открыл крышку.

- Два пополудни, отец.

- Значит, успеем. Сегодня, в восемь вечера в нашей семейной часовне. Проведем скромную церемонию. Это уже мой пятый брак, так что суета ни к чему.

Эрл Тамаск поднялся, опираясь на трость. И Ринка невольно отметила скрюченные подагрой пальцы старика.

Пятый брак... Надо же... Интересно, что стало с его предыдущими женами?

Словно услышав ее мысли, он произнес:

- Все мои жены, бедняжки, почили раньше времени. И только первая супруга, моя дорогая Аньетт, подарила мне сына.

При этих словах Герхард приосанился, выкатил грудь колесом. А во взгляде, каким он смотрел на отца, появилась легкая снисходительность.

Эрл продолжал:

- Один сын хорошо, а два лучше. Я слышал, капля эльфийской крови способна творить чудеса даже с таким старцами, как я. Вот и проверим.

И вроде ничего особенного не сказал, даже тон его не изменился, а у Ринки внутри все сжалось от отвращения.

О, да, даже среди послушниц, отрезанных от остального мира каменными стенами монастыря, бродили назойливые слухи, что кровь эльфов это квинтэссенция жизни – эликсир здоровья и долголетия. Что на ее основе делают лекарство от мужского бессилия.

Конечно же послушницы передавали это друг другу шепотом, глупо хихикая и следя, чтобы никто из монахинь их не застукал за нечестивыми сплетнями.

А еще говорили, что эльфы сами по себе действуют на людей как шпанская мушка. Одна проблема: настоящих эльфов в этих краях не видели уже пару столетий. Была только Ринка – сирота, полукровка без роду-племени.

Свадебный обряд прошел для Ринки будто в тумане. Она помнила двухчасовую тряску в рыдване по каменистой дороге, напутствия матушки Ильзы и ее угрожающий тон. Помнила, как кто-то накинул ей на лицо традиционную вуаль и втолкнул в часовню, где уже горели свечи и звучала органная музыка.

- Иди! - раздалось сзади шипение.

Перед глазами все расплывалось. От насыщенного запаха ладана закружилась голова, да еще начало подташнивать. Ринка с трудом переставляла ноги по направлению к алтарю, где уже ждал престарелый жених в черном фраке, священник в праздничном облачении и, чуть в стороне, Герхард с неизменно скучающей миной на одутловатом лице.

Словно заводная кукла, Ринка остановилась у алтаря. Священник что-то говорил, потом пел, потом носил вокруг них какую-то чашу, попеременно давая из нее испить то невесте, то жениху. Напиток был терпким и сладким, словно рябиновая наливка, которой иногда баловались монахини. Но от него оставался во рту горький привкус.

Ринка боролась с тошнотой, со слабостью, от которой тело становилось чужим, а ноги не желали держать. С нервной дрожью в руках и безумным желанием сорвать вуаль, перекинуть треклятую чашу и бежать отсюда со всех ног...

Но бежать было некуда. И она это знала.

Матушка Ильза все документы и деньги держала у себя под замком. А без метрики и без денег в этом мире не выживешь. Тебя остановят на первом же выходе из города. И вернут туда, откуда сбежала. Если не хуже.

Нет, Ринка не желала так рисковать. У нее было время, чтобы подумать.

Голос священника прервал хаотичный поток ее мыслей:

– Именем Пресветлой Орриет благословляю ваш брак. Жених, можете скрепить обряд поцелуем.

Еще одно испытание.

Ринка вытянулась в струну, когда вуали коснулись старческие пальцы. Напряглась, сдерживая отвращение. Зажмурилась...

Ее губ коснулись чужие вялые губы. Потом вуаль упала на место.

– Поздравляю, отец, – от стены отделился Герхард. – Поздравляю, леди Тамаск.

– Оставь свои поздравления при себе, – отрезал старик. – Поздравишь, когда я ее обрюхатю или когда на свет появится твой младший брат. Кстати, займись этим прямо сейчас. Моя спальня готова?

От этих слов сердце девушки болезненно сжалось.

Ну да, он же прямо сказал, что ему нужен сын. Правда, Ринка как-то не думала, что делать его он начнет сразу после венчания.

– Готова, отец. Я проверил, слуги устроили все, как вы хотели.

Тон Герхарда едва уловимо изменился. Видимо, ему тоже не нравились планы отца.

– Ну и прекрасно. Пойдем, моя дорогая, – цепкие крючковатые пальцы впились Ринке в ладонь. – А ты, сын, передай матушке Ильзе остаток взноса и проводи

добрую женщину восвояси.

Эрл Тамаск повел новобрачную в противоположную сторону от центрального входа. К маленькой двери, скрытой за бархатной портьерой.

Уже на пороге Ринка оглянулась, будто кто-то толкнул ее в спину.

Главные двери часовни были открыты. За ними темнело вечернее небо, расцвеченное первыми звездами, и сияла луна. Свежий ветер трепал листву на деревьях, разнося по округе запах жимолости и сладковатый аромат маттиолы...

Издали доносились звуки засыпающего города: переключка караульных, звон колоколов на башне центрального храма, пустой лай собак...

Там, за этими дверями, ждала свобода. Звала, манила. Ринка слышала ее вкрадчивый голос в песне ветра и шорохе луговых трав. Видела в отблесках утренних зарниц, в первых лучах солнца на рассвете, в каждой росинке, в каждом цветке. Она рвалась к ней всем своим существом...

С трудом оторвавшись от созерцания дверного проема, девушка наткнулась на Герхарда.

Тот, поймав ее взгляд, двусмысленно ухмыльнулся:

– Желаю плодотворной брачной ночи, леди Тамаск.

Глава 2

В спальне эрла горели свечи. Красноватые, тусклые.

Воздух наполнял резкий запах лекарств и притираний, который не могла перебить лавандовая отдушка. За тяжелыми бархатными гардинами прятались окна. На кофейном столике ожидала бутылка вина, два высоких бокала и

фрукты.

А в центре возвышалась огромная кровать с узорчатым подзором. Она напомнила Ринке языческий алтарь, виденный на гравюре в одной из книг. Алтарь, на котором юных девственниц приносили в жертву старому Рхангу – богу похоти.

Ринка стояла, застыв истуканом посреди спальни. Внутри царила полнейшая пустота. Ни мыслей, ни чувств.

Тамаск передал ее в руки молчаливых служанок, сухо отметив, что придет, как только она будет готова. Его слова прошли мимо сознания девушки, проскользнули, ничего не задев.

Кто-то из женщин снял с нее нелепое платье, кто-то распустил волосы. Кто-то накинул ночную сорочку из тонкого батиста.

Ринка отмечала все происходящее словно со стороны. Ей казалось, что все это происходит не с ней. Что она наблюдатель, случайный прохожий, невзначай заглянувший в чужое окно.

Так было легче.

Взяв за руки, служанки подвели ее к порожку кровати. Одна из женщин откинула полог и край одеяла.

Ринка машинально забралась в постель. Легла, вытянувшись на холодных простынях как покойник. Разве что руки на груди не сложила. Служанки аккуратно укрыли ее до самого подбородка. Расправили пряди волос по подушке, рассыпали сверху горсть жасминовых лепестков – символ невинности.

– Доброй ночи, леди Тамаск.

В их тоне не было издевательства или насмешки, лишь сдержанное уважение к новой госпоже.

Сделав книксен, женщины удалились.

Оставшись одна, Ринка рвано выдохнула. Напряжение внутри завязалось колючим узлом. Девушка вцепилась руками в край одеяла, прислушалась.

В доме царила полнейшая тишина. Но вот откуда-то из-за стены послышался шорох.

Шаги...

Скрипнула дверь...

В стене появился проем, залитый тусклым светом, и сердце Ринки затрепыхалось пойманной птичкой, забилося в приступе паники.

На пороге возник эрл Тамаск с канделябром в руке. На этот раз на нем была ночная рубашка, украшенная пышным кружевом. Старое, дряхлое тело просматривалось сквозь ткань. Из-под подола торчали сухие волосатые ноги, перевитые синюшными венами, и раздутые артритом колени, а голову прикрывал белый колпак.

Теперь он выглядел не столь грозно, сколь жалко и мерзко. Просто старик, позарившийся на юную плоть.

– Ждешь? Это хорошо. Я уже не такой прыткий, милочка, чтобы самому скакать на тебе, – прокряхтел он, подходя к столику и оставляя там канделябр.

Потом уселся в кресло и поманил Ринку высохшим пальцем:

– Иди-ка сюда. Выпей, расслабься. Да и я выпью, чтоб кровь разогнать. Небось никогда не пробовала дейренского вина? Я для такого случая приказал откупорить бутылку.

Ринка лежала, стиснув в потных ладошках края одеяла. Таращилась на него широко распахнутыми глазенками и не могла осознать смысл этих слов. Разум не желал их воспринимать.

Поймав ее взгляд, эрл гнусно хихикнул:

– Да не бойся, не съем.

И вдруг изменившимся тоном:

– А ну встала, я сказал! Или мне позвать слуг, чтобы они тебя за стол усадили?

На подгибающихся ногах Ринка вылезла из-под одеяла, проковыляла к столу и почти без сил рухнула в кресло. Руки тряслись. Пришлось зажать их между коленок. Но вместо того, чтобы исчезнуть, дрожь перешла на все тело.

– Вот так бы и сразу, – удовлетворенно отметил Тамаск. – Да не трясись, как заячий хвост. Чай, я не насильник какой, а твой законный супруг. Может, тебе даже понравится.

От последнего предположения Ринку слегка замутило. А может ее замутило от запаха старческой плоти.

Наполнив оба бокала, Тамаск протянул один девушке, из второго сделал глоток, откинулся на спинку кресла и блаженно сощурился.

– Великолепно, – причмокнул губами. – Ничто не согревает кровь так, как хороший рислинг.

Открыв глаза, он строго глянул на Ринку:

– А ты чего же не пьешь?

– Не хочу... – выдохнула она едва слышно.

Эрл нахмурился, сведя к переносью кустистые брови.

– Что еще за жеманство? Ты мне это оставь! Я, милочка, я не люблю, когда мне перечат. Давай-ка ты будешь послушной девочкой и не станешь сердить старика?

Бормоча последнюю фразу, он одним глотком допил свой бокал и придвинулся к девушке.

Ринка вздрогнула.

Рука, обтянутая сухой морщинистой кожей, легла на ее колено, поверх сорочки. Старческие пальцы сжались, твердые ногти впились в нежную кожу.

– Будь послушной, моя красавица. Выпей глоток, а потом я тебя уложу в постельку. Вот увидишь, я еще не забыл, как сделать женщине хорошо...

Девушку передернуло от этих слов. Чтобы не сердить старика, она взяла свой бокал и чуть пригубила. Вино оказалось холодным и кислым на вкус.

Эрл втянул носом, раздувая крупные ноздри, из которых выглядывали пучки седых волос. Такие же пучки торчали у него из ушей.

– Как же сладко ты пахнешь! Я уже чувствую, как мой петушок поднимает головку. Древние книги не врут!

Выпятив влажные губы, Тамаск вдруг подался вперед. Его лицо оказалось так близко, что Ринка, едва сдерживая рвотный рефлекс, инстинктивно отпрянула.

Бокал выпал из ее рук. Часть вина выплеснулась на эрла, потекла по его подбородку, закапала вниз, за ворот сорочки.

– Ах, ты ж!!! – взвизгнул старик, брызжа слюной. – Мелкая дрянь!

Визг перешел в хрипение. Выпучив глаза, Тамаск вдруг схватился за горло. А Ринка вскочила, в ужасе оттолкнув его от себя.

Челюсть эрла задергалась, словно он хотел сказать что-то еще, но вместо слов изо рта полилась белая пена. Глаза расширились, завращались, едва не вываливаясь из глазниц. Подернулись мутной пленкой. Руки заскребли в воздухе, будто пытаясь что-то схватить.

– По... по-мо-ги... – пробулькал старик, захлебываясь собственной рвотой. – Врача!

Его рука, дрожа, потянулась к сонетке, но, не удержавшись, безвольно упала. Все тело забило в конвульсиях и, булькнув в последний раз, эрл затих в кресле сломанной куклой.

Все произошло так стремительно, что Ринка не успела ничего осознать.

Она стояла, застыв от стола в трех шагах. Все происходящее казалось ей диким сном. Липким кошмаром. Одним из тех, что посещали ее в раннем детстве.

Она смотрела, как он умирает. Смотрела, не в силах двинуться с места. Не в силах отвести взгляд. Не в силах даже зажмуриться.

С последней конвульсией эрла на нее обрушилась тишина. Плотная, тяжелая, не дающая сделать вдох. Она накрыла ее с головой, отрезая все звуки, кроме биения собственного пульса в висках. Этот пульс громышал все громче, превращаясь в тревожный набат. Он гремел у нее в голове точно молот по наковальне.

Пока внезапно не стих.

И тогда она закричала. Завизжала во всю силу легких, до боли зажмурив глаза.

Дверь с треском распахнулась. В спальню влетела толпа слуг в ночных рубашках, вооруженных кто чем. Кто-то сжимал в руке тяжелый канделябр, кто-то кочергу, кто-то щипцы от камина. Но увидев Ринку, сжавшуюся посреди комнаты, они невольно притормозили.

А потом увидели своего господина. И на их вытянутых от удивления лицах отразился внезапный страх.

– Что здесь происходит? – знакомый голос громыхнул со стороны коридора.

И, раздвигая толпу локтями, в спальню вошел еще один персонаж.

Герхард.

Ринка почти обрадовалась, увидев его.

В отличие от остальных, он все еще был в костюме. Больше того, от него разило табачным дымом, женщинами и спиртным. Шелковый шейный платок был небрежно сдвинут на сторону, а в петлице торчал помятый цветок.

– Ваша светлость, – пробормотал кто-то из слуг, – леди кричала.

– Хм. Неужели мой папенька так вас напугал? – Герхард перевел взгляд на Ринку.

Этот взгляд охватил ее хрупкую фигуру в полупрозрачной сорочке. Руки, прижатые к груди. Бледное лицо. Темное озеро глаз.

Та стояла ни жива ни мертва, не зная что делать.

– Он... – прошептала она одними губами. – Он... кажется мертв...

Вздернув брови, молодой повеса развернулся к креслу, вокруг которого уже топтались смущенные слуги.

Вид покойника заставил его нахмуриться.

Герхард склонился над телом, несколько бесконечно долгих минут вглядывался в лицо, искривленное предсмертной маской. Затем двумя пальцами сжал сухое запястье.

И все это время на лице единственного отпрыска эрла Тамаска царило странное выражение.

Наконец, он выпрямился и обвел присутствующих озабоченным взглядом.

– Та-а-ак, – протянул, вытирая руки салфеткой. – Вызовите врача. И кто-нибудь отправьте мальчишку к гробовщику. Похоже, папенька и в самом деле скончался. Мир праху его.

– Мир праху, – зашептали слуги, кланяясь и совершая знамение во славу Пресветлой. – Пусть богиня примет душу его.

Его глаза задержались на девушке. Та тряслась как осиновый лист, то ли от холода, то ли от страха. Ей хотелось крикнуть, что старик умер не просто так, что его отравили. Неужели никто не видит засохшую пену на его губах? Никто не чувствует кислый запах рвоты? Неужели никого не смущает гримаса покойника?

Но Герхард уже шел к ней, всем своим видом выражая заботу и безмерную скорбь.

– Леди, позвольте я вас уведу. Не стоит столь юной особе смотреть на такое.

Ринка не сопротивлялась, когда Герхард снял свой сюртук и накинул ей на плечи.

Сюртук нес в себе тепло живого тела, и этого было достаточно, чтобы она машинально вцепилась в него.

Она не сопротивлялась, когда Герхард взял ее за руку. Хотя и отметила краем мысли, какая у него влажная, липкая от пота ладонь. И что именно этой рукой он минуту назад закрыл глаза своему отцу.

Это все было не важно.

Важно, что он уведет ее отсюда и ей больше не придется видеть искаженное судорогой лицо своего несостоявшегося супруга. И что мутные глаза эрла Тамаска больше не будут стоять перед ней...

Как сомнамбула она шла за Герхардом, переступая босыми ногами по полу. Почти не соображая, куда он ее ведет и что происходит вокруг.

Очнулась, когда он всунул ей в руки фарфоровую кружку с темным напитком. От кружки шел запах трав.

- Пейте, леди. Это лекарство от нервов. Вам точно не повредит.

Ринка подчинилась. Трясущимися руками приложила кружку к губам и сделала пару глотков.

Это заставило ее немного прийти в себя и оглядеться.

Она обнаружила, что сидит на низенькой оттоманке, сжавшись в комок, в одной сорочке и сюртуке. И рядом нет никого, только Герхард.

- Где я?

- Это мой кабинет. Здесь никто нам не помешает.

Мужчина запер дверь, а потом прошел к мраморной стойке. Ринка исподлобья следила за ним.

- Эрл умер, да здравствует новый эрл, - он отсалютовал ей бокалом вина. - Конечно, еще нужны кой-какие формальности, но фактически я с этой минуты глава семьи. Ты понимаешь, что это значит?

Ринка опустила глаза и уставилась в кружку.

Куда делась его показная забота? Перед ней стоял хищник, матерый волк, готовый вцепиться в добычу. И он чувствовал, что эта добыча слаба, беззащитна и не может постоять за себя. Что нет никого, кто мог бы ему помешать.

- Да, - произнесла она едва слышно.

- Вот и умница. Запомни, теперь я решаю, что будет с тобой.

С самодовольной ухмылкой он скользнул к ней на диван. Сел близко, приобнял Ринку за плечи, вальяжным жестом прижал к себе.

Она же сжала кружку до боли, до хруста в немеющих пальцах. Напряглась каждой клеточкой, точно перед прыжком.

Герхард что-то почувствовал.

Взял ее двумя пальцами за подбородок, заставил посмотреть на него. Затем тронул ее за чувствительный кончик уха, торчавший между волос.

– Будь со мной поласковой, девочка. Поверь, я еще не самое жуткое, что может случиться с такой, как ты. Слышал я, местный колдун предлагал матушке Ильзе рецепт омолаживающих пластырей за твою кровь.

У Ринки ком в горле встал.

Неужели ее эльфийская кровь сыграла с ней подлую шутку? Неужели сплетни послушниц были не такой уж и выдумкой?

А Герхард продолжал мурлыкать, наматывая на палец ее шелковистую прядь:

– Тебя приодеть, откормить, и ты станешь вполне ничего. Ты и так хороша, только тощая очень. Я знаешь ли, люблю, когда у девицы есть за что подержаться. Может быть, даже расщедрюсь на статус официальной любовницы. Куплю тебе дом на Цветочном бульваре, буду возить в театры, на воды... Эх, жаль я уже женат, – на этих словах он поморщился, словно вспомнил о чем-то мало приятном.

– Я... мне что-то нехорошо... – пробормотала Ринка, вжимаясь в спинку дивана. – Пожалуйста, отпустите меня...

Но Герхард уже не слышал. Его глаза заволокло пеленой, так же, как до этого у эрла Тамаска.

– Не ерепенься. Давай, поцелуй меня. Хочу узнать, правду ли говорят, что эльфийские поцелуи раздувают огонь в крови?

В один момент он подмял ее под себя. Его лицо оказалось так близко, что Ринка смогла рассмотреть каждую пору.

А потом что-то случилось.

Она не могла понять, что. Только помнила, как внутри стало вдруг горячо, а потом как-то пусто. Что ее руки взлетели сами собой, с неожиданной силой толкая Герхарда в грудь. И что чашка, которую она продолжала сжимать, ударила его по губам...

Герхард скатился с дивана.

Какое-то время он сидел на полу, обескураженно потряхивая головой. Потом прикоснулся к разбитой губе, глянул на пальцы, перевел взгляд на девушку.

Та смотрела на него с нескрываемым ужасом.

– Зря, – произнес он, стирая кровь и глядя на нее исподлобья. – Ох, зря. Ты даже не представляешь, что я могу с тобой сделать.

На звук сонетки в комнату влетел мажордом:

– Вы меня звали, ваша светлость?

– Да, – бросил Герхард, не спуская с Ринки мстительного взгляда, – вызови констебля. Я хочу сделать заявление.

Глава 3

Еще день назад она была воспитанницей монастыря и примерной ученицей. Еще несколько часов назад она была новобрачной. И пусть жених оставлял желать лучшего, но он, по крайней мере, обещал ей дом и защиту.

А теперь она стала вдовой, обвиняемой в убийстве супруга, и сменила покои эрла на городской каземат.

Прибывший полицейский патруль долго не церемонился. Ей даже слова не дали сказать: скрутили руки за спину, надели наручники и затолкали в черный экипаж без окошек прямо в сорочке.

Свой сюртук Герхард забрал, мстительно процедив, что в тюрьме он ей не понадобится.

На улице царил глубокая ночь. У Ринки от страха и озноба зуб на зуб не попадал. Ее мутило, перед глазами плясали белые точки, и не было сил требовать справедливости или сопротивляться. Да и кто бы стал ее слушать?

Полицейская карета доставила ее в городскую ратушу, в чьих подвалах находилась тюрьма.

– Будешь сидеть здесь до суда, – пробурчал смотритель тюрьмы. Маленький, кривоногий, с обвисшим брюшком и масляными глазенками. Он подождал, пока один из стражников откроет решетку камеры. Второй стоял рядом, следя за каждым движением девушки. – Можешь обращаться ко мне мэтр Дамерье и смотри, не балуй, а то быстро найду управу!

В подтверждение своих слов он указал на плетку, что свисала с его пояса.

Ежась от сырости и сквозняка, Ринка шагнула в камеру. Ей казалось, что она спит и вот-вот проснется. Она даже не обратила внимания, когда с ее запястий сняли наручники.

Но когда решетка, закрываясь, гроыхнула за ее спиной, девушка оглянулась.

– Подождите! – словно очнувшись, она бросилась к выходу, вцепилась руками в прутья. – А когда? Когда будет суд?

– Почему же я знаю? Это ты не у меня, у адвоката своего спрашивай.

– У меня его нет, – призналась, опуская глаза.

- Если своего нет, значит судья назначит.

- Но мне нечем платить...

Маслянистые глазки Дамерье тут же ощупали ее с проснувшимся интересом.

- Говоришь, нечем платить... Хм, я мог бы помочь в этом деле, если бы ты проявила немного усердия.

Гримаса отвращения исказила личико девушки. Отшатнувшись, она прошептала:

- Нет. Ни за что!

- Ну, как знаешь, - смотритель пожал плечами. - Посиди здесь, подумай. Как надумаешь - позовешь.

Он ушел в сопровождении стражников, унося с собой масляную лампу, единственный источник света.

Ринка осталась одна. Обхватив себя за плечи, чтобы хоть немного согреться, она огляделась.

Новое пристанище оказалось маленьким, всего пять шагов в поперечнике, темным и сырым. Скучную обстановку составляли рваный матрац, набитый гнилой соломой, да отхожее место в углу, источающее неопикуемый смрад.

Единственное окошко, закрытое плотной решеткой, торчало под потолком. Камера была низкой, поэтому, встав на цыпочки, Ринка смогла ухватиться за ржавую решетку и подтянуться. Но вместо неба перед ней оказались булыжники мостовой и чьи-то ноги, обутое в грязные сапоги.

Одно радовало: из окошка шел относительно свежий воздух. Она всю ночь простояла, уткнувшись носом между прутьев, вдыхая запах нагретой мостовой и слушая, как вышагивает патруль вокруг ратуши.

А утром, едва рассвело, в камеру ворвалась матушка Ильза. Отхлестала ее по щекам, оттаскала за волосы, приговаривая:

- Ах ты, гадина! Я тебе такую партию сделала! В люди вывела! Самого эрла на блюдечке принесла! Могла жить и как сыр в масле кататься. А ты вот как мне отплатила?!

- Матушка, клянусь, это не я! Я ничего дурного не сделала!

Ринка пыталась уклониться от несправедливых пощечин, но Ильза не слышала никого, кроме себя. Страх за собственное благополучие сделал ее глухой.

Наконец, устав кричать и ругаться, она оттолкнула воспитанницу, и та упала на грязный пол, заливаясь слезами.

- Матушка, клянусь, это не я! - повторила девушка в сотый раз.

- Что «не я»? - передразнила Ильза, окидывая ее злобным взглядом. - Надо было тебя отдать колдуну, когда он просил. Так нет же, пожалела на свою голову! Пригрела змею на груди!

Ринка лежала, сжавшись в комочек, и плакала навзрыд. От рыданий вздрагивали узкие плечи, а на щеках горели следы от ударов.

- Все, не реви, - пробурчала Ильза, чувствуя, что гнев утихает. - Рассказывай, что случилось.

- М-да, - подытожила она спустя полчаса, когда Ринка, размазывая слезы, икая и захлебываясь словами, озвучила свою версию. - Не учла я, что старик так быстро помрет. Брак-то он хоть успел закрепить?

- П-поцелуем?

- Петушком своим, дура! - Ильза беззлобно выругалась. - Было у вас что или нет, признавайся как на духу!

Ринка энергично замотала головой. Стоило лишь вспомнить престарелого эрла, его мутный взгляд и прикосновение вялых губ, как к горлу опять подкатил горький ком. Наверное, если бы он не помер, то она сама отдала бы душу Пресветлой.

– Понятно, – вздохнула Ильза. – Дура ты, девка. Такой шанс упустила! Теперь еще Герхард этот обвиняет тебя в смерти отца и требует справедливого наказания. Око за око. А судья Глиммер близкий друг покойного эрла, так что сама понимаешь.

Немного подумав, она добавила:

– Ладно, придумаю что-нибудь, ты же мне не чужая. Столько лет растила тебя, почитай с самых пеленок. Найду хорошего адвоката, может и выгорит что.

– Спасибо, матушка...

– Рано благодаришь. Если вытащу тебя отсюда, то весь век не расплатишься!

Она ушла, пообещав передать немного еды и одежды. А Ринка осталась, жадно вслушиваясь в удаляющиеся шаги. Ей казалось, что вместе с матушкой Ильзой от нее уходит прошлое, проведенное в монастырских стенах. И единственный шанс на спасение.

Городская тюрьма жила своей жизнью. В соседних камерах кто-то рыдал, стучал в стены, пел срамные песни. Слышались ругань и жалобы, окрики караульных.

Три раза в день приносили еду. Безвкусную серую массу, лежавшую в деревянной плошке липким комком. Есть ее полагалось руками, поскольку приборов узникам никто не давал.

Ринка добросовестно ковырялась в тарелке. Каша была отвратительной что на вид, что на вкус. Даже в монастыре готовили лучше. Но девушка заставляла себя это есть. Ей нужны были силы.

Теперь, когда наступил новый день, а из окошка под потолком в камеру лился солнечный свет, ужасы прошлой ночи начали отступать. На смену

беспомощности и страху пришло желание жить.

Матушка обещала помочь, значит поможет. Ринка верила в это так же свято, как и в то, что Пресветлая Орриет слышит ее молитвы.

А потом появился Герхард. Ринка сразу узнала его. Метнулась диким зверьком вглубь камеры, только глаза засверкали из-под нечесаных волос.

Держа у носа надушенный платок, новоиспеченный эрл произнес:

– Я пришел повторить свое предложение.

Это было противно и мерзко. Ринке казалось, что ее выкупали в нечистотах. Но даже если бы от ответа зависела ее жизнь, она бы все равно ответила «нет».

Герхард ушел не сразу. Он долго стоял, покачиваясь с пятки на носок. Увещевал, обещая всевозможные блага. Ждал, что она изменит решение.

Не изменила.

Хотя сердечко сжималось при мысли о будущем, которого может не быть.

Оставшись одна, Ринка снова плакала. На этот раз тихо, без всхлипов. Просто слезы сами текли. А еще от тюремной каши разболелся желудок. Но это было только начало. Вскоре на коже появилась мелкая сыпь, которая нещадно чесалась. Начала чесаться и голова.

Ночью Ринка почти не спала. Ей постоянно слышались шорохи по углам и казалось, что из темноты вот-вот покажется острая мордочка крысы.

Да и шумные соседи не способствовали мирному сну. Кто-то из них с наступлением темноты начинал выть на одной ноте, точно волк на луну. Ринка

слушала вой безумца, сжавшись на рваном тюфяке. Она даже представить себе боялась, сколько времени нужно провести в этой тюрьме, чтобы забыть все слова...

Потом были долгие, томительные дни. Похожие один на другой, выматывающие душу и тело.

Ринку под конвоем водили в комнату с серыми стенами. Она видела себя словно со стороны: маленькая, худая, грязная. В принесенном матушкой Ильзой платье из колючей шерсти, что могло заменить власяницу...

И два вооруженных стражника по бокам.

В серой комнате за большим столом, заваленном бумагами, ждал следователь – мэтр Лавьер. Пышущий здоровьем, круглолицый человек с подкрученными усами. От него пахло домашней стряпней и табаком. Он носил мундир с блестящими пуговицами, постоянно промокал лысину большим клетчатым платком и им же вытирал круглые стекла очков.

А еще он без конца задавал одни и те же вопросы.

Сначала Ринка пыталась отвечать медленно, вдумчиво, вспоминая подробности. Но он ее будто не слышал, снова и снова заставляя по кругу рассказывать, что случилось в тот вечер. Кивал сам себе, избегая смотреть ей в глаза, что-то записывал в толстую тетрадь, похожую на гроссбух экономки. И спрашивал заново.

Голодная, уставшая, почти отупевшая от происходящего, Ринка уже машинально отвечала «да» или «нет». И голос ее с каждым разом становился все тише.

Только в первый день, когда она заикнулась о своих подозрениях и поползновениях Герхарда, он вскинул голову и строго посмотрел на нее.

– Хочешь опорочить доброе имя эрла Тамаска? Это тебе не поможет. Герхард достойный молодой человек и мой зять, между прочим. А вот твоей порченной крови доверия нет.

С минуту они смотрели друг другу в глаза, пока следователь, выругавшись, не отвернулся. Дрогнувшей рукой он снял очки, долго протирал их, избегая смотреть на девушку. Потом достал из коробочки на столе щепотку табачной крошки, набил трубку и сделал несколько глубоких затяжек.

– Продолжим.

На третий день она все же не выдержала.

– Вы меня ненавидите? – спросила в упор вместо того, чтобы в сотый раз отвечать на один и тот же вопрос.

Лицо мэтра Лавьера пошло пунцовыми пятнами.

– А за что мне тебя любить? – он промокнул вспотевшую лысину.

– Не за что, – согласилась она. – Но я ничем не заслужила вашей ненависти.

Он снова посмотрел на нее. Вскинул взгляд и отвел, словно испугавшись. Но Ринка успела заметить жалость, мелькнувшую на дне его глаз.

– Что плохого я сделала? – повторила она с внезапно проснувшимся упрямством. – Я хочу знать.

– Ишь какая, хочет она. А кто ж вас, полукровок, любит? Ты об этом не думала?

– Я не виновата, что я полукровка. И я не выбирала родителей.

Ринка сама не знала, откуда у нее взялось столько дерзости. Никогда она не перечила старшим, была тихой, послушной. А тут вдруг голос прорезался.

Может от того, что терять уже нечего?

– Ты мне поговори! – рявкнул следователь. И для вящей убедительности хлопнул рукой по столу. – Хочешь знать, за что вашего брата недолюбливают? Так я тебе расскажу. Эльфов никогда не любили в наших краях, а вот они одно время

повадились приходить. Налетали как саранча, завораживали наших женщин и с собой уводили.

Ринка совсем не это ожидала услышать. Живя в монастыре, она не раз пыталась выяснить хоть что-нибудь о своем происхождении и эльфийских корнях, но любые расспросы на эту тему немедленно пресекались. Пару раз матушка Ильза даже выдрала девушку дубовыми розгами, вымоченными в соленом растворе, и заставила стоять на горохе, трижды по десять раз читая молитву покаяния. «Любопытство есть смертный грех!» – приговаривала она, орудуя розгой.

Это отбило у Ринки охоту задавать дурные вопросы. Но она не оставила попыток узнать о себе хоть что-то. Вскоре в школе заметили, с каким прилежанием сирота Ринкьявинн штудирует монастырскую библиотеку. Она проводила там все свободное время, изучая старинные книги. Но если в них и были какие-то упоминания об эльфах, то только вскользь.

И уж точно там ничего не было о том, что сказал мэтр Лавьер.

– Уводили? – переспросила она, не веря своим ушам. – Куда? Зачем?

– Да кто его знает? Просто забирали и все. И совсем молоденьких девушек, и женщин постарше. В основном молодух. Здоровых, грудастых. От малых детей забирали. Посмотрит такой эльф ей в глаза – и все, молодка пропала. Забудет про дом, про дитё и про мужа. Идет за этим гхарровым эльфом как коза на веревочке, слюни пускает. И больше никто ее не увидит.

– А мужчин?

– Что – мужчин? – он нахмурился, не понимая вопроса.

– Мужчин тоже забирали?

– И мужчин. За ними приходили эльфийки. Смотришь: тощая, прозрачная, что с нее взять? Только глазищи огромные, в пол лица, что те озера. Глянешь в них – и не помнишь себя. Даже имя забудешь.

Голос следователя изменился, стал задумчивым, в нем появилась тоска. Даже лицо его стало другим, каким-то мечтательным.

Но вдруг, будто очнувшись, он резко хлопнул рукой по столу:

- Хватит. Больше никаких сказок об эльфах.

А на следующий день в серой комнате Ринку ждал другой человек.

- Меня зовут мэтр Габош, и я теперь буду вести твоё дело.

Он был полной противоположностью мэтра Лавьера: высокий, нескладный, худой. В таком же мундире, но без лысины и живота. И от него пахло кровью, а не домашней едой.

- А где мэтр Лавьер? - Ринка растерянно огляделась.

Тонкие губы Габоша раздвинулись, обнажая желтоватые зубы:

- Он отстранен. Больше ты его не увидишь.

Глава 4

Ни Герхард, ни Ильза больше не появлялись. Пару раз приходили монахини, приносили немного еды и последние новости. От них Ринка узнала, что матушка нашла адвоката, согласившегося защищать полукровку. Да только он не слишком торопится. То ли денег мало ему предложили, то ли не верит в успех.

Зато в один из дней к камере подошла незнакомая женщина. Молодая, белокожая, с надменным лицом. Чем-то неуловимо похожая на мэтра Лавьера. За её спиной неловко переминался стражник, держа в руках тусклый фонарь.

Не приближаясь к решетке, женщина глянула на Ринку так, словно та была виновата во всех ее бедах.

Узница зачарованно уставилась на платье нежданной гостьи, расшитое серебром и рубинами. Такой красоты она еще не видала. Разве что в глупых мечтах.

Несколько минут они разглядывали друг друга.

– Надеюсь, ты здесь сгниешь, мелкая дрянь, – процедила красавица, испепеляя девушку взглядом. – Таким, как ты, в тюрьме самое место!

Это стало последней каплей. Мир за стенами монастыря оказался совсем таким не радужным, как обещала матушка Ильза, и он совсем не спешил распахнуть полукровке свои объятия.

Вскинув подбородок, Ринка встретила ненавидящий взгляд.

– Не смей смотреть мне в глаза! – взвизгнула гостья, прикрываясь рукой. – Грязная полукровка!

– Тише, леди, я же говорил, что не стоит сюда приходить, – пробормотал стражник, бросая в сторону выхода тревожные взгляды. – Идемте, пока вас здесь никто не застал.

– Не вздумай попадаться мне на пути! – напоследок бросила незнакомка. – Герхарда я тебе не отдам!

А еще два дня спустя за Ринкой пришли, чтобы доставить на суд. Мэтр Дамерье застегнул кандалы на ее ногах и запястьях, а стражники в кожаных латах сопроводили к уже знакомому экипажу без опознавательных знаков.

После пребывания в камере глаза слезились от солнечного света. Ринка шла почти вслепую, с трудом переставляя ноги. Она дышала и не могла насытиться, каждой клеточкой впитывая нечаянную свободу.

Но увидев карету, замешкалась. Ее охватило внезапное подозрение.

– Разве зал суда не в ратуше? – она оглянулась на здание городской управы, под которым ее все это время держали.

– В ратуше, – осклабился мэтр Дамерье.

– Куда же меня повезут?

– В ратуше судят людей. А тебя, цыпа, ждет ратное поле и божий суд. Молись Пресветлой, может она услышит и пошлет тебе избавителя. Хотя я бы на это не рассчитывал, – он хохотнул, будто сказал что-то смешное. – Ну все, полезай, некогда мне с тобой прохлаждаться.

Сопротивляться было бессмысленно. Вздохнув, Ринка громыхнула цепями и неловко забралась в карету. Внутри ждало знакомое жесткое сиденье и крюк, к которому один из стражников тут же прикрепил цепь от наручников.

– Ну, держись, девочка, – поймала она тихий шепот.

Но не успела ответить, как стражник исчез.

Дверь захлопнулась, и карета тронулась в путь.

Несколько часов тряски по ухабистой дороге не прошли даром. К тому моменту, как путь был окончен, а дверь открыта, у Ринки болело все, что только могло болеть.

Будто нарочно, карета остановилась перед глубокой лужей. Шагнув с подножки, Ринка утонула по щиколотки в топкой грязи. Холодная вода тут же просочилась в войлочные сапожки, вынуждая девушку поджать пальцы.

Никто не помог ей, не подал руку. Пришлось выбираться самой, стиснув зубы и сдерживая предательские стоны. Нет, она не собиралась доставлять такое удовольствие своим мучителям. А те стояли в двух шагах с глумливыми лицами и наслаждались бесплатным представлением.

Ступив на сухую обочину, Ринка смогла выдохнуть и оглядеться.

Ее привезли на городское ристалище, где во время весеннего равноденствия устраивались рыцарские турниры во славу Пресветлой. Огромное поле, вытопанное копытами лошадей, было огорожено деревянными щитами, а за ними в праздники собирался народ. Только градоправителю полагалась отдельная ложа. Точнее, это был дощатый помост, на который устанавливали кресла для бургомистра, его супруги и ближайших чинов.

Сейчас в кресле на возвышении сидел городской сенешаль, отдуваясь от жары и обмахиваясь бумажным свитком. Там же расположились судья, жрецы из храма Пресветлой и первые городские чины.

Да и народа было хоть отбавляй. В основном – городские зеваки, пришедшие поглазеть, как будут судить полукровку. За их спинами на конях гарцевала охрана.

Один из стражников ткнул Ринку пикой под ребра:

– Шевелись! Пресветлая не будет ждать до утра, у нее без тебя дел хватает.

С трудом переставляя ноги, девушка двинулась через поле к помосту.

Увидев обвиняемую, толпа поперла на ограждение. Люди толкались, желая хорошенько ее рассмотреть. Какая-то женщина закричала:

– Нечисть эльфийская! Сжечь ее и дело с концом! Пока она наших мужиков не приворожила!

Несколько голосов подхватили ее слова:

– Сжечь! Сжечь нечестивицу! Выколоть ей глаза! Вырвать косы!

Эльфийское отродье...

Презренная полукровка...

Бесстыдница, соблазняющая почтенных граждан. Грешница, испытывающая их добродетель.

Оскорбления летели ей вслед, и толпа взрывалась ликующими воплями.

Ей не место среди добрых людей.

Откуда-то из толпы прилетело гнилое яблоко, ударило Ринку в висок, стекло вниз мерзкой жижей. И тут же посыпался целый град.

Ринка втянула голову в плечи, согнулась, надеясь хоть немного укрыть лицо. Гнилые овощи это не страшно. Лучше пусть бросают гнилье, чем камни.

– А ну разойдись! – в толпу врезался один из верховых на вороном жеребце. Огрел плеткой парочку особо ретивых. – Кому сказано!

– Стой! – грубый окрик заставил девушку вздрогнуть.

Она машинально остановилась, чувствуя, как между лопаток упирается наконечник алебарды.

Протрубил рог, призывая толпу к спокойствию, и в наступившей тишине зазвучал голос судьи.

Ринка слышала, но не могла понять, что он говорит. Смысл слов ускользал, не давая затуманенному сознанию за него зацепиться.

Кажется, он зачитывал обвинения, выдвинутые против нее.

Ее взгляд, скользнул по толпе, наткнулся на Герхарда. Ее обвинитель был здесь. Пришел насладиться ее унижением. И не один. Рядом с ним, надув подкрашенные кармином губы, стояла та самая женщина.

– Господин сенешаль, достопочтенные служители Пресветлой! Благородный эрл Герхард Тамаск обвиняет Ринкьявинн Тюбо, девицу эльфийских кровей, в смерти отца – покойного эрла Тамаска. А так же в непристойном поведении и попытках соблазнить его самого. Девица вины своей не признает, упорствует и все отрицает. Но все доказательства и свидетельства говорят об обратном. Исходя из всего перечисленного, суд считает сию девицу виновной и требует назначить

ей наказание в сто плетей и пожизненное изгнание из нашего города.

- Справедливое решение, - милостиво кивнул сенешаль. - Есть ли тот, кто решится его оспорить?

- Ваша светлость, - поднялся еще один человек, - осмелюсь просить суд о снисхождении.

- Назовите себя.

- Йенор Линуа. Адвокат, нанятый монастырем в защиту обвиняемой.

Эти слова заставили Ринку очнуться. Она подняла голову, пытаясь сквозь спутанные пряди волос рассмотреть говорившего. На секунду в ее глазах мелькнула надежда, но тут же погасла.

Это и есть защита, которую обещала матушка Ильза? Это и есть ее адвокат?

На помосте, приклонив колено, стоял молодой человек. Совсем юный, не на много старше ее самой. В серой суконной курточке и таких же бриджах, подвязанных сатиновыми бантами. Он совсем не походил на спасителя.

Матушка Ильза не смогла найти никого, кроме мальчишки, только-только закончившего академию и готового взяться за любую работу.

- О каком же снисхождении вы просите, мэтр Линуа?

- Божий суд. Пусть Пресветлая Орриет сама решает, насколько виновна сия девица.

- И каким же образом, позвольте спросить?

- Поединок чести, ваша светлость. Возможно, кто-то из присутствующих захочет сразится за душу этой несчастной.

- Протестую! - взвился судья. - Наличие души у подобных существ не доказано!

– Но так же не доказано и ее отсутствие, – заметил молодой адвокат. – Эта девица воспитывалась в монастыре, монахинями Пресветлой. Она имеет право просить богиню о заступничестве.

– Что ж, я вас услышал и готов объявить решение. – Сенешаль оглядел притихшую толпу, а затем его взгляд опустился на Ринку. – Правом, данным мне нашим городом и Пресветлой, объявляю: наказание, назначенное судом, признать законным и привести в исполнение немедленно.

Толпа слаженно выдохнула, внимая приговору. Замерла, боясь пропустить хоть слово. Казалось, даже ветер затих в этот момент, перестал трепать вымпелы на шестах.

Ринка сжалась, мысленно прощаясь с жизнью. Сто плетей! Да она и двадцать не выдержит! Для нее это смертная казнь.

Но если она решила, что это все, то ошиблась.

Насладившись произведенным эффектом, сенешаль продолжил, повысив тон:

– Если только среди присутствующих не найдется тот, кто поставит свою жизнь, честь и душу в защиту этой девицы. – Он обвел глазами всех собравшихся, включая жрецов. – Есть ли среди благородных эрлов, служителей храма и простых горожан тот, кто согласен обнажить меч и сразиться с лучшим мечником города во славу Пресветлой? Есть ли тот, кто согласен обвенчаться с этой девицей божественным браком? Если такой человек найдется, пусть выйдет и назовет себя здесь и сейчас!

Он замолк – и все замолчали. Даже в задних рядах наступила мертвая тишина. Толпа ждала, застыв в напряженном молчании.

Ринка же обреченно рассмеялась.

Фарс. Этот суд просто фарс, созданный на потеху толпе. Представление, разыгранное по нотам.

Даже если кто-то из местных позарится на эльфийскую кровь и рискнет выйти против лучшего мечника, то шансов, что кто-то захочет сочетаться с полукровкой божественным браком – ноль. Божественный брак это не просто венчание в храме. Это обмен кровью и душами. Он навеки скрепляет две души, делая их одним целым. Обычный брак заканчивается со смертью одного из супругов, божественный не может расторгнуть и смерть. Даже переродившись в новых телах, две души по-прежнему будут стремиться друг к другу. Сами боги не смогут разорвать эту связь.

Стоять больше не было сил. Измученная, полностью опустошенная, лишенная последней надежды, она сломанным цветком опустилась на землю.

Все. Это конец. Даже если каким-то чудом она выживет после ста плетей, куда ей потом идти? Слабой, беспомощной, без семьи и друзей. Разве что сгинуть где-то в канаве возле обочины или попасть в руки разбойников...

– Я согласен.

Ровный, полный достоинства голос прозвучал в тишине.

Следом за ним по толпе пронесся возбужденный гул.

Не веря своим ушам, Ринка вздрогнула. Но поднять голову и взглянуть на того, кто решился на это безумие, она не посмела. Слишком много надежд и разочарований для одного дня, который, вполне вероятно, станет последним в ее маленькой жизни.

– Кто этот храбрец? – раздался удивленный голос сенешаля. – Выйди и назовись!

Охваченная робкой надеждой, Ринка даже дышать перестала. Она до звона в ушах вслушивалась в шаги. Кто-то шел, тяжело и мощно ступая, и толпа невольно раздвигалась перед ним.

Шаги становились все ближе. И вскоре до Ринки донесся запах хорошо выдубленной кожи, древесного дыма и степных трав. Пряный и терпкий. Чужой.

Его обладатель остановился у нее за спиной. Густая тень накрыла ее. Ринка замерла мышкой, боясь сделать вдох.

Он был так близко, что она почти чувствовала тепло его тела. И боялась взглянуть. Боялась, что вспыхнувшая надежда окажется новым фарсом.

– Brent. Можете звать меня просто Brent. Мое родовое имя ничего вам не скажет.

Кем бы он ни был, в его тоне звучали безусловная сила и уверенность в собственном праве.

И на миг Ринка позволила душе встрепенуться, поверить в спасение.

– Вижу, ты прибыл издалека, мэтр Brent, – благодушно заметил сенешаль, – и не знаешь наших законов.

– Эрл. И мне ни к чему знать ваши законы. Я слышал все, что здесь говорилось.

– Значит, ты согласен сразиться за полукровку? За сироту? Ей нечем тебе заплатить. У нее нет ни семьи, ни имущества. Даже родовое имя ей дали в монастыре.

– Согласен.

– И согласен скрепить ваши души божественным браком?

– Да.

– Ты готов поклясться в этом на печати Пресветлой прямо сейчас?

– Да.

Сенешаль не спешил отвечать.

Он не рассчитывал, что кто-то из присутствующих решится на такое безумство. Связать свою душу с полукровкой на веки вечные! Но храбрец (или безумец) все же нашелся. И что теперь делать?

Сенешаль с радостью отменил бы свое опрометчивое решение, да только слово не воробей: вылетит – не поймаешь. Сказанное нельзя изменить.

Ринка жадно ждала его слов. Ее сердце колотилось как сумасшедшее, перед глазами все расплывалось то ли от напряжения, то ли от слез. А в голове вспугнутыми воробьями носились рваные мысли.

Пауза затягивалась. Тишина давила все больше.

Девушка судорожно глотала жаркий полуденный воздух – и не могла надыхаться. Ей казалось, что ее голова вот-вот лопнет как переспелый арбуз.

Наконец, она услышала:

– Да будет так!

Облегчение обрушилось снежной лавиной. Пронеслось, сметая все на своем пути.

И в этот момент измученное сознание, не выдержав, скользнуло во тьму.

Глава 5

...Ее разбудил визг ржавых петель и дверного засова. Кто-то шел по тюремному коридору твердой, уверенной поступью.

Вздрагнув всем телом, Ринка открыла глаза. Уставилась в нависающий потолок.

Сначала она не могла понять, где находится и что происходит. Но уже через миг воспоминания накатили удушливой волной, встали в горле горьким комком.

Суд. Ее же судили. Приговорили к ста плетям и изгнанию.

Если только кто-то не рискнет спасти ее душу...

И, кажется, такой безумец нашелся.

Шаги звучали все ближе. Из-за поворота показался тусклый свет фонаря.

Кто-то шел к ее камере.

Охваченная ознобом, Ринка села, подобрала ноги под себя. Обхватила руками плечи, пытаясь согреться.

И в этот момент из темноты коридора к решетке шагнул человек. Высокий, широкоплечий, в длинном плаще, под которым тускло отсвечивали звенья кольчуги.

Он возник так внезапно, что узница инстинктивно отпрянула, вжалась спиной в холодную шершавую стену. Нервно втянула носом знакомый запах кожи и трав.

Нежданный гость заслонил собой свет. Его лицо оставалось в тени, но огромный меч заставил Ринку вспотеть. Незнакомец носил его заткнутым за пояс, без ножен, и сейчас на остром отполированном лезвии сияли красные блики. Как кровь.

Она опустила взгляд ниже. Полы его плаща и носки сапог были покрыты толстым слоем дорожной пыли.

Тяжелый хмурый взгляд незнакомца заставил ее побледнеть. Он буквально впился в ее лицо.

- Это она?

У него был хриплый, будто надтреснутый голос. Голос смертельно уставшего или раненого человека. Но, тем не менее, она узнала его. И сердце забилося сильнее.

Она не могла ошибиться. Это был Brent, единственный человек, что рискнул заступиться за нее на суде. Но сейчас, как и тогда, она не могла разглядеть его лицо.

- Да, ваше благородие.

- Открывай.

Из-за спины незнакомца выкатился смотритель тюрьмы.

Ринка передернула плечами, сбрасывая с себя его липкий взгляд.

- Сейчас, сейчас, ваше благородие.

Связка ключей забренчала в потных руках.

Незнакомец не стал дожидаться, пока смотритель найдет нужный ключ. Молча сжал замок огромной лапищей, затянутой в крагу из воловьей кожи. И Ринка невольно вздрогнула, втянула голову в плечи, услышав металлический хруст.

Сколько ж силы в его руках, если он вот так, играючи, может сплющить железо?

Решетка с противным скрипом сдвинулась с места.

Затаив дыхание, исподлобья, Ринка следила за незнакомцем.

Тот, морщась от вони, вошел в ее камеру. В его руках что-то блеснуло, и она с изумлением поняла, что это серебряный обруч шириною в два пальца. К нему крепились монетки-гривны размером не больше ногтя. Она уже встречала подобное украшение у женщин на старинных гравюрах. Брачное ожерелье, вот что это такое.

Только люди в Таатагане такие не носят.

Это прерогатива Перворожденных. Эльфов, орков и других рас, что давно покинули эти земли и ушли за Пролив, на ту сторону, в Эльвериолл...

Пару секунд незнакомец смотрел на обруч в своих руках, а потом склонился над девушкой.

Шершавые мужские пальцы скользнули по ее шее, отводя в сторону растрепанные волосы.

Холодный металл коснулся кожи. Ринка нервно сглотнула. Тоненькая жилка на ее горле забилась сильнее, а по телу побежали мурашки.

Один вдох – и незнакомец застегнул ожерелье на ее шее. Красивое ожерелье, из чистого серебра. С филигранным узором. С блестящими гривнами.

И внезапное понимание заставило ее задрожать.

Божественный брак. Вот что это такое.

Но как? Когда?!

– Пока ты была без сознания, – ответил он на ее безмолвный вопрос. – Жрецы Пресветлой совершили обряд на ристалище.

И разогнулся.

Ринка поспешно задрала рукав. Так и есть! Левое запястье было перевязано тряпкой. Дрожащими пальцами девушка сдвинула ее.

Под ней оказался тоненький розовый шрам. Он не болел, не кровоточил. Только немного чесался. Значит, все это правда. Боги благословили их брак...

Вот и все. Теперь они муж и жена. Теперь ее жизнь – собственность этого незнакомца.

Внезапно стало трудно дышать. словно брачное ожерелье легло на грудь гранитной плитой. Ринку охватила мелкая дрожь.

Но уж лучше так, чем быть забитой до смерти на глазах у толпы.

Она еще пыталась осознать случившееся, когда незнакомец снял с себя плащ и накинул ей на плечи. короткими, сухими движениями завернул в сукно дрожащее тело. Поднял с грязной соломы, осторожно прижимая к себе.

Он обращался с ней так, словно боялся разбить.

– благородный эрл желает как можно быстрее консуммировать брак? – слышался сальный смешок.

При звуках этого голоса Ринка закрыла глаза.

Не видеть. Не слышать. Забыть, что он существует, забыть все, что он сделал...

Герхард Тамаск. Новый эрл. Виновник всех ее бед.

Когда-нибудь, может быть, ей удастся вычеркнуть из памяти все, что пришлось пережить в этих застенках... Когда-нибудь она сможет забыть.

А сейчас каждое слово врезалось, точно отравленный нож.

– Не вижу смысла терпеть до утра, – голос ее нового мужа прозвучал холодно и безразлично.

Но его руки сжались сильнее вокруг нее.

Герхард шагнул на свет.

– О да, девица страсть как хороша. Даром что полукровка. Я в некотором роде даже завидую вам, – тот же сальный смешок. – Но будьте с ней осторожны! Эта дрянь убила моего отца, – тяжелый вздох, от которого тянет притворством. – Несчастный повелся на ее эльфийские прелести, сделал своей законной женой,

а она отравила его прямо в первую брачную ночь!

Ринка с трудом сдержалась, чтобы не закричать.

Ложь, все ложь! Но разве ее будут слушать? Кому нужна сирота, да еще полукровка? Здесь не любят ни эльфов, ни магию...

Кто заступится за нее?

Разве что чужестранец, который зачем-то женился на ней.

Сердце девушки колотилось, как у зайчонка. Ей хотелось вырваться из чужих рук, отпрянуть, зашипеть дикой кошкой. Вцепиться ногтями негодяю в лицо.

Но она не делала ни того, ни другого. Только сжалась сильнее, сглатывая свою боль вместе с колючим комком.

Незнакомец шагнул в коридор, вынося ее из камеры, вынося из кошмара.

Отблеск света упал на его лицо. Суровое, испещренное страшными шрамами.

Ринка потрясенно уставилась на него, не в силах вздохнуть или крикнуть, не в силах отвести глаз.

Темная, дубленая ветрами и солнцем кожа. Плотно сжатые губы. Серебристый ежик волос над высоким лбом. Тяжелые надбровные дуги, под которыми прячутся глаза цвета черненого серебра.

В этих глазах плещется сумрак...

Ринка могла бы поклясться, что не знает этого человека. Что никогда не встречалась с ним. Всю свою жизнь она провела за стенами женского монастыря, куда ни разу не ступала нога мужчины.

И в то же время он показался смутно знакомым.

Опасно знакомым...

Словно черты его лица были высечены когда-то давно в недрах ее подсознания. Как силуэт на камее. А теперь вдруг напомнили о себе.

Почувствовав ее взгляд, он прищурился. И на миг ей показалось, что его зрачки сжались в два полумесяца. Но тут же вернулись в обычную форму.

Не человек!

Это знание перевернуло ее маленький мир. Впервые она видела перед собой представителя другой расы, хоть и слышала о них много раз.

И тогда она вспомнила, где могла его видеть.

Вспомнила, где встречала это лицо.

Он являлся к ней в детских снах. Так давно, что она и забыла...

Как же его зовут?.. Он ведь называл свое имя там, на ристалище...

Берг? Берт?

Брент...

О да, точно, Брент! Странное имя для того, кто представился эрлом. Слишком короткое.

Ринка пыталась сосредоточиться на мыслях о неожиданном супруге, чтобы не слышать Герхарда. Тот, как привязанный, шел следом за ними, и его вкрадчивый голос ввинчивался в ее мозг раскаленным железом:

– Могу рекомендовать вам хороший постоянный двор с чистыми простынями. Не пристало благородному эрлу в брачную ночь кувырнуться на сене.

Ринка так и не поняла, что произошло. Но лицо ее нового мужа вдруг изменилось. Всего на секунду. Черты заострились, придавая ему устрашающий вид, в глазах вспыхнуло мрачное пламя.

Брент развернулся, держа ее на руках. Легко, словно она была перышком. Глянул на Герхарда так, что тот, побледнев, отшатнулся к стене.

Между ними было не меньше пяти шагов, но что-то заставило человека ощутить приступ паники.

– Я не нуждаюсь в советах, – произнес чужестранец ледяным тоном.

От угрозы, прозвучавшей в его словах, Герхард покрылся испариной. Внезапная слабость в ногах заставила опереться на стену. Страх – подспудный, животный, вылезший из глубин подсознания – накрыл его с головой, почти лишая рассудка.

– П-п-прошу п-п-прощения, эрл, – заблеял он, трясущейся рукой утирая лицо, – не хотел вас задеть...

Но Брент не слушал его. Жалкий человечиска был ему не интересен. Все, что волновало уркса – это хрупкое дрожащее тело в его руках.

Отступив, он уверенным шагом направился к выходу, прижимая к груди вожаделенную добычу.

Ринка все это время лежала в его руках, сжавшись в комок, точно пичужка в руках птицелова. Маленькая, худенькая, с потухшим взглядом и скорбной складочкой, застывшей между бровей.

Она боялась его. Брент чувствовал ее страх, но в то же время чувствовал примешенное к нему любопытство. Определенно, девчонка узнала его. Только, что именно она вспомнила? И может ли помнить вообще?

Со дня их последней встречи прошло шестнадцать человеческих лет. Ничто для того, кто прожил уже пару сотен и должен прожить еще столько же. Но для юной девушки, чьи жилы наполовину заполнены жидкой людской кровью – это почти четверть века. Люди больше и не живут. И у людей короткая память, им свойственно все забывать...

Чего не скажешь о Первородных. Тех, кто населяли эти края задолго до того, как человек научился добывать огонь трением.

Те помнили все, начиная с момента рождения. А некоторые и больше. Например, у оркских шаманов и эльфийских друидов была отлично развита родовая память.

Вот и Brent помнил, что случилось тогда, в мельчайших подробностях. Так, словно это было вчера.

Он помнил высокие окна, за которыми опускался туман. И приглушенный свет магических светляков, застывших на стенах. Тела охранников, погибших в бою, и женщину, крючившуюся в луже крови. И двух мужчин, склонившихся над колыбелью.

Их тихие голоса:

– Она последняя, больше никого нет. Род Джиттинат прерван, да здравствует род Каламрис.

– Солнце не померкло, пока светит хоть один луч. В этом ребенке течет кровь Алиэрна.

– Полукровка нам не помеха. Ее мать человек.

– Ее отец Алиэрн Джиттинат. Она может быть опасной для нас.

– Если только кто-то узнает, чья она дочь.

– Но мы ведь этого не допустим? Эльвериолл устал от междоусобиц. Эльфы не выдержат новой войны, нас и так слишком мало...

В колыбели лежит ребенок. Девочка, годик отроду – не больше. Ее глаза открыты, взгляд серьезный, внимательный, словно малышка все понимает.

– Нужно избавиться от нее.

– Убить?

– Нет, мы не станем осквернять наши мечи кровью младенца. Мы вернем ее людям.

– Я согласен с вашим решением, аэр. Но кто доставит ее за Пролив?

Оба смотрят на Брента. Тот стоит в стороне, опустив окровавленный меч. Замок Джиттинат оказался крепким орешком, но сегодня он пал. И в эту минуту на площади казнят главу рода, отца этой малышки.

– Подойди! – говорит один из мужчин.

И Брент подчиняется приказу того, кому присягал на верность.

– Ты славный воин, Брентаррин Арнбранд. И не раз доказал в бою свою верность. Но сегодня тебе предстоит особое задание.

Он смотрит на девочку в колыбели. Ловит на себе ее взгляд. Она для него никто, очередное задание, но сердце воина почему-то на секунду сжимается.

Он берет ее на руки и прячет под плащ, чтобы вынести из павшего замка...

Их пути разойдутся на том берегу. Он оставит ее в рыбацкой лодке, вытащенной на песок, но не уйдет. Будет ждать в темноте, пока кто-то в деревушке не услышит крики младенца.

И только убедившись, что малышке ничего не грозит, он исчезнет в ночи.

Чтобы спустя столько лет вернуться за ней.

Брент мысленно усмехнулся.

Все повторяется, как и тогда. Она снова его задание. Особое, которое нельзя доверить никому, кроме него. Он снова спасает ее от смерти, как и тогда. И так же, как и тогда, несет на руках, укрывая своим плащом.

Только теперь в его руках не младенец, а юная девушка. Он чувствует все выпуклости и впадинки ее тела. Чувствует, как ее маленькие крепкие груди прижимаются к нему через одежду. Чувствует ее взгляд.

Особенно взгляд.

Все время, что он нес ее по тюремному коридору, девчонка рассматривала его исподлобья.

Не доверяла. Ждала подвоха.

Ее тело в его руках казалось натянутой тетивой.

Не такой он рассчитывал увидеть наследницу древнего рода. Не в таком месте встретить.

Брент молчал, старался не смотреть на девушку, давая ей возможность привыкнуть.

А внутри бурлило желание развернуться и размазать по стенке того слизняка.

Ему пришлось сдерживать этот порыв. Нельзя. Хватит, он и так едва не выдал себя, напугав человечешку. Пусть живет и помнит свой страх.

А у него другое задание. И он должен выполнить его в срок.

Глава 6

У выхода из подземелья пришлось все же остановиться. Там ждал сенешаль в окружении чиновников и тюремной охраны.

– Вы же помните условие, благородный эрл?

– Не забыл.

– И вы непременно исполните его этой ночью?

Брент сощурил глаза, примеряясь. Может, зря он жалеет этих червей? Всего один взмах мечом – и от них останутся только трупы.

Но нельзя... Аэр не простит. Брент не имеет права привлекать лишнее внимание. Ни к себе, ни к девчонке. А он и так достаточно засветился, согласившись на этот брак. Был бы другой выход – использовал бы, не задумываясь. А теперь придется действовать исходя из того, что есть.

Сенешаль будто что-то почувствовал. Отодвинулся за спины охранников. Даже голос его изменился, в нем проклюнулись нервные нотки:

– Наше требование продиктовано исключительно заботой о благополучии этой несчастной. Вы должны консуммировать брак и предоставить доказательства прежде, чем покинете Таатаган. И не думайте, что нас легко обмануть. Вы сняли комнату на Горшечном мосту, трактирщик вас ожидает. А с ним и судья, готовый сразу засвидетельствовать подтверждение брака.

Ринка похолодела.

Ну да, а чего она ожидала? Их ведь обвенчали на потеху толпе, а теперь хотят убедиться, что брак не фиктивный.

– Вы получите то, что желаете, – отрезал Брент без всяких эмоций. – На рассвете, и не мгновением раньше.

Охрана расступилась, пропуская его. Он прошел мимо них невозмутимый, абсолютно бесстрастный. Точно ожившая ледяная статуя, а не человек...

Совсем не человек...

Ринка не могла отделаться от чувства, что не ошиблась. Что там, в темноте камеры, она действительно увидела, как изменились его зрачки. Но все случилось так быстро, что девушку одолевали сомнения. Действительно ли она видела что-то? Или ей показалось?

Между тем, Brent вынес ее на улицу. Там уже ждал вороной красавец, тихо заржавший при виде хозяина.

– Отличный скакун, – один из охранников уважительно крикнул. – Не всякий эрл может такого себе позволить.

Brent не ответил.

Казалось, его совершенно не трогали ни предстоящая ночь, ни требование сенешаля. Ни девушка, притихшая в его руках.

А вот Ринка не знала, что думать. Смириться со своим положением? Или попытаться сбежать?

Что принесет ей брак с незнакомцем?

А если бежать, то куда?

Когда-то она мечтала о замужестве, как и другие девушки в монастыре. Они знали, для чего их растят, знали, что после шестнадцати лет им всем предстоит выйти замуж за благородных эрлов и стать послушными женами. И в этом не было ничего пугающего или отвратительного. Таков был обычай, так жили все. Монастырские невесты считались лучшими в Таатагане. Многие семьи мечтали заполучить такую для сына.

И Ринка собиралась стать хорошей женой. Даже когда она поняла, что ее супругом станет старик, даже тогда она готова была принести себя в жертву, как учила матушка Ильза. Ухаживать за ним, стать сиделкой.

Но теперь...

Теперь она не была уверена, что так уж хочет стать чьей-то женой.

В монастыре о многом не говорилось. Например, каким образом консуммируют брак, и откуда дети берутся. От этих тем наставницы легко уходили, прикрываясь одной отговоркой: «Пресветлая откроет все знания в нужный момент».

Но для Ринки этот момент настал как-то неправильно. И то чувство гадливости, что она испытала в спальне эрла Тамаска, до сих пор сидело в ней липким комком.

Между тем, тюремные стены закрылись, разделяя жизнь «до» и «после», как они уже сделали это неделю назад. И Ринка полной грудью вдохнула вечерний воздух. Он пах недавно прошедшим дождем, омытой листвой, нагретой землей и чем-то еще неуловимо знакомым.

Она огляделась.

Солнце спряталось за стены ратуши, город накрывали летние сумерки. А на ристалище ее привезли рано утром. Даже суток еще не прошло, а она уже стала женой незнакомца.

И не просто женой.

Жрецы связали их души. И тонкий шрам на левом запястье будет вечным напоминанием об этом.

Ринка даже рада была, что не помнит обряда. Божественный брак – древний ритуал, при котором зывали не к Пресветлой Орриет – прародительнице всех людей, а к сакральным силам природы. Жрецы призывали в свидетели духов стихий, и эти духи становились свидетелями венчания.

Духов невозможно обмануть, с ними невозможно договориться или откупиться золотом и серебром. Если они связывают две души – то это навечно.

И можно бежать сколько угодно и так далеко, как только захочешь. Но в конце концов ты вернешься туда, откуда пришла. К тому, от кого убежала.

Вздыхнув, она покосилась на Брента.

– Куда ты меня везешь?

– Подальше отсюда.

Всего два слова, сказанные им за последние два часа.

Не слишком-то разговорчив ее новый супруг.

Да и она не спешила общаться. Молчала, пока он усаживал ее на коня, и пока они двигались неспешным шагом по улицам города. Только вздыхала, думая о своем.

Брент шел рядом, ведя вороного за узду. А потом монотонное покачивание и бессонные ночи сделали свое дело. Ринка начала клевать носом.

Какое-то время она еще боролась с усталостью, но силы были неравны. В конце концов задремавшая девушка соскользнула с седла.

Брент не дал ей упасть. Подхватил, сам сел в седло и ее усадил перед собой. А теперь придерживал одной рукой, оберегая от падения.

Ринка опустила голову и скосила глаза на его руки.

Обычные мужские руки, ничем не примечательные. Если не знать, что любая из них может сплющить металл...

Это воспоминание заставило ее передернуть плечами.

Новый супруг пугал еще больше, чем предыдущий. И даже больше, чем Герхард. Желания тех двоих были просты и понятны: они жаждали ее юной плоти и крови. Первый надеялся помолодеть, а второй...

Впрочем, к чему вспоминать, что там хотел второй, ведь он уже в прошлом, и Ринка надеялась, что их пути больше не пересекутся.

Но чужестранец был здесь. Рядом. Это его рука, что сплющила замок на тюремной решетке, сейчас ее обнимала. И стоит ему лишь немного напрячь свои мышцы, как от Ринки останется только мокрое место!

Между тем, конь свернул на узкую улочку, и в нос девушке ударил запах стряпни. Она подняла глаза и уткнулась в небольшую, потемневшую от времени вывеску. На ней еще были видны остатки котла, в котором по задумке неизвестного художника что-то варилось.

- Прибыли.

Брент соскочил на землю.

Ринка не стала ждать, пока он поможет ей слезть. Но стоило ей шевельнуться, как сильные руки тут же сомкнулись вокруг нее.

Держа девушку на руках как ребенка, мужчина вошел в ворота.

- Ваша комната, эрл, - угодливо изогнулся хозяин трактира. - Мы ждали вас.

Брент прошел мимо него, не заметив. Пересек обеденный зал, пустующий в этот момент. И начал подниматься по скрипучей лестнице, ведущей на второй этаж.

Он уже был на верхних ступеньках, когда Ринка оглянулась, подчиняясь внезапному чувству. Из-за широкого мужского плеча она могла видеть весь зал.

Он действительно был пустой, если не считать одного стола в дальнем углу.

Сенешаль не соврал. Не приукрасил.

Их действительно ждали.

Пламя свечей отражалось в медных нагрудниках, какие носила только охрана судьи.

В комнате Brent усадил Ринку на кровать, а сам тут же запер дверь и проверил ставни на окнах. Только после этого опустился на одинокий стул у стола и уронил голову на сложенные руки.

Ринка услышала его усталый голос:

– За занавеской уборная. Можешь помыться. Я оплатил горячую воду и мыло. Одежду свою бросишь в камин. Завтра куплю тебе новую.

Он не запугивал, не угрожал, не предупреждал, чтобы даже не думала сбежать. Словно его это не волновало или он был уверен, что она не сбежит.

Некуда.

Некоторое время Ринка сидела, боясь даже вдохнуть. Но Brent больше не шевелился. Он будто спал. Рядом с ним на столе стоял кувшин, полный вина, пара кружек, хлеб и тарелка с нарезанным сыром.

Она смотрела на это богатство зачарованным взглядом, пока ее не привел в чувство голодный спазм в животе.

Решившись, девушка сползла с кровати. На цыпочках прокралась к двери. Подергала за старую, вытертую временем деревянную ручку.

Закрыто.

И ключ, вероятнее всего, где-то у Brentа.

Покосившись на мужчину, Ринка в очередной раз впечатлилась шириной его плеч. Нет, с таким не стоит шутить. Он ей руку сломает играючи, если она только попытается его обыскать.

Поразмыслив немного, она направилась к единственному окну. Brent запер ставни, придавив обе створки согнутым гвоздем толщиной с Ринкин мизинец. Но между ними оставалась полоска свободного пространства шириной с палец. К ней-то Ринка и прильнула, зажмутив один глаз.

Окно выходило на улицу, а не во двор. И там уже была глубокая ночь, расцветенная красноватыми пятнами фонарей. А еще под домом прохаживались какие-то тени.

Присмотревшись, девушка смогла различить уже знакомые медные латы и алебарды с красными древками.

Охрана.

Следят, чтобы они не сбежали.

Она оглянулась на Brentа. За это время он так и не шевельнулся. Только дыхание – хриплое, натужное – говорило о том, что мужчина жив.

Хлеб, нарезанный крупными ломтями, лежал у его локтя. Так близко, что, казалось, стоит мужчине во сне дернуть рукой – и великолепные, свежие, ароматные ломти шмякнутся на затоптанный пол.

Этого Ринка допустить не могла.

Желудок с громким недовольством потребовал схватить краюху и запустить в нее зубы. Она уже протянула руку, но тут ее взгляд упал на грязь, засохшую между пальцев.

Brent сказал ей помыться...

Она недовольно сморщила нос. Хороша невеста, от которой несет как из нужника. Поскребла пальцем шею. Под ногтем осталась черная полоса.

Да, помыться не помешает. Тем более после недели, проведенной в вонючей камере.

Хотя... может именно вонь и грязь вынудили Брента отложить консуммацию брака?

Как бы там ни было, желание снова почувствовать себя чистой перебороло все страхи.

О том, что будет, когда Брент проснется, Ринка старалась не думать.

Уборная оказалась крошечной комнатухой. Душ – простая дырка в углу, обложенная каменной крошкой, и закрепленный сверху рассекатель на ржавой трубе. Туалет находился за тонкой перегородкой и вопреки ожиданию девушки выглядел довольно прилично. На чистом стульчаке имелась даже подушечка для сиденья и крышка.

На полочке возле душа стоял глиняный горшочек с желтоватой субстанцией, пахнувшей мятой. Тут же висело полотенце, достаточно большое, чтобы Ринка могла завернуться в него как в простыню.

Она немного замешкалась, раздеваясь. Хотела всю одежду бросить на пол, но, передумав, сняла плащ и оставила его на кровати. После этого, быстро раздевшись, запрыгнула под рассекатель.

Здесь был только один кран: ручка, которую следовало повернуть вверх или вниз. Чем сильнее вверх, тем горячее становилась вода. Ринка выяснила это спустя пять минут, когда сначала попала под ледяные струи, а потом едва не ошпарилась кипятком.

Брент не обманул. Он действительно оплатил горячую воду. Очень горячую!

Но вот температура была отрегулирована, и Ринка блаженно застыла под теплыми струями. Ей казалось, что еще никогда в жизни она не испытывала подобного наслаждения. А ведь в пансионе при монастыре тоже был душ и куда лучше этого! Там пол был выложен розовой плиткой, а трубы и краны сверкали начищенной медью. Монахини затапливали вечером огромный котел, чтобы текла горячая вода, и у воспитанниц было целых пятнадцать минут, чтобы помыться.

Девушки мылись вместе, не испытывая ни стеснения, ни любопытства. Старшие помогали тем, кто помладше. Совсем маленьких мыла дежурная наставница.

Размазывая по себе пахучую мыльную пасту, Ринка вспомнила, как ее саму мыла матушка Ильза. Натирала пенным песком и приговаривала:

– Будешь ты у нас самой беленькой, самой чистенькой. Я из тебя красавицу сделаю, выведу в люди!

И к горлу подкатил уже привычный комок. Сердце сжалось от боли.

Нет, не думать об этом. Забыть. Вычеркнуть из памяти так, словно ничего и не было. Все, все приснилось в страшном кошмаре. И эрл Тамаск, и Герхард, и суд, и тюрьма...

Она не заметила, как вместе с водой по лицу потекли слезы. Рыдания сотрясли хрупкое тело.

Опустившись на дно душа, Ринка скрутилась в комок и окончательно разревелась. Бессильно, по-детски, шмыгая носом и вздрагивая всем телом.

Она плакала, пока в душе не иссякла вода, а кожа не покрылась мурашками.

Только тогда поднялась, дрожащими руками набросила на себя полотенце. Отжала волосы, вскользь пожалев об отсутствии гребешка. Закрутила их плотным узлом и вышла.

Та жизнь закончилась. И она сделает все, чтобы прошлое не вернулось.

Брент по-прежнему спал. Только немного повернул голову набок. Так что теперь Ринка могла разглядеть его ястребиный профиль, суровую складку у рта, старый рубец на щеке и тень он неожиданно длинных ресниц, лежавшую полукружьем на скуле.

Во сне лицо мужчины немного расслабилось, и сквозь устрашающие черты проступило что-то мальчишеское.

Стоя в трех шагах, Ринка недоверчиво разглядывала его.

Кто он такой? Откуда взялся? Почему решил спасти?

Неужели просто из жалости? Или у него свои виды на эльфийскую кровь?

Последнее было больше похоже на правду. Ринка не верила, что кто-то может оказать ей помощь просто так, ничего не требуя взамен.

Она уже хотела прошмыгнуть мимо спящего и закутаться в плащ, когда мужчина вдруг сдавленно застонал. Мускул на его лице дернулся, искажая черты.

Замерев, Ринка от страха забыла, что нужно дышать.

Стон перешел в долгий хрип. И тут девушка заметила то, на что до сих пор не обращала внимания.

По спине Брента расплывалось пятно, почти невидимое на фоне темно-коричневой ткани.

Ее спаситель был ранен...

Первый порыв – броситься к дверям, стучать и звать на помощь – Ринка подавила в зародыше.

Там, снаружи, охранники судьи. Они ей ничем не помогут, только будут глумиться.

Она сама должна придумать, что делать.

Брента ранили из-за нее. Еще на ристалище. Видно, не так-то просто далась ему победа в бою с лучшим мечником города. Сенешаль знал, какие условия выставлять.

Она вспомнила, каким усталым он показался ей там, в тюрьме. Но, зная о своей ране, он все время носил ее на руках, не давая ступить и шага.

Испытывала ли она к нему благодарность? Нет. Это было его решение, его выбор. И вряд ли он решился на это без скрытых мотивов.

Но в то же время сейчас он был единственным, кто стоял между ней и приговором суда. Между ней и ужасом, что пришлось пережить за последние дни.

Если она не хочет вернуться назад, то должна что-то сделать.

Набравшись храбрости, Ринка перевязала потуже полотенце, затянув его узлом на груди, и приблизилась к спящему.

Глава 7

В голове царил полный сумбур.

Она же не лекарь! Чем сможет помочь? Какой толк в том, что она перевязет рану?

А если рана глубокая и нужно ее зашить? А если он потерял много крови и умрет прямо здесь?

О, Пресветлая Мать! Еще один покойник на ее совести! Тогда ее точно убьют! Порвут на клочки!

Обрывки мыслей мелькали в ее голове, хаотично и бестолково. Пользы от них не было никакой.

Напряженная, готовая в любой момент отскочить, Ринка потянулась к мужчине.

Ее дрожащая рука уже готова было коснуться его плеча, когда Brent вдруг развернулся.

Резко. Без предупреждения.

Его рука взметнулась, перехватывая ладонь девушки. Пальцы сжались, заставив ее завизжать.

Только что он трупом лежал! Она могла бы поклясться! А теперь сидит, вцепившись в ее ладонь мертвой хваткой и глядя в лицо мутным, бессмысленным взглядом.

Оборвав визг, Ринка попыталась вырвать руку. Но это было бесполезно. Хватка Brenta только стала сильнее.

Он смотрел на нее, но не видел, не узнавал. Казалось, даже не понимал, что происходит. На его окаменевшем лице не читалось ни малейших эмоций. Маска. Застывшая маска. Холодная, бездушная, словно высеченная из гранита.

И этот пугающий взгляд...

Бессмысленный. Но в то же время безумный.

Взгляд зверя, не помнящего себя.

– Brent... – Ринка с отчаяньем позвала его по имени.

Ни на что не рассчитывая, просто позвала, подчинившись проснувшемуся инстинкту.

В его глазах что-то мелькнуло.

– Brent!

Голос дрожал, но теперь Ринка была уверена, что он ее слышит. Он реагировал на нее! Его зрачки стали меньше, когда она повторила его имя.

– Это я, Ринкьявинн...

Брент моргнул. Веки опустились и тут же поднялись, взгляд сфокусировался, стал осмысленным.

– Что... происходит? – прохрипел, с трудом разлепляя ссохшиеся губы.

Девушка попыталась улыбнуться, но улыбка вышла жалкой и слабой.

– Мне больно...

Лицо мужчины резко переменилось. В глазах вспыхнула тревога.

– Больно? Где?!

– Рука...

Она осторожно пошевелила пальцами, уже занемевшими в живом капкане.

Брент медленно перевел взгляд на их руки. Пару секунд он смотрел, точно не знал, что нужно сделать. Потом шумно выдохнул, и Ринка почувствовала, как его хватка расслабилась.

Он убрал руку.

– Прости. Не стоит подходить ко мне, когда я в таком состоянии. Это опасно.

Голос звучал сухо, без всяких эмоций. И уж точно без сожаления.

Это заставило Ринку почувствовать раздражение.

– Но ты ранен! Я всего лишь хотела помочь! – выпалила она с внезапной обидой.

Брент поморщился.

– Мне не нужна помощь. Ты помылась? – он сменил тему и окинул ее хмурым взглядом. – Отлично. Не стой босиком на полу, забирайся в постель.

Казалось, вид юного тела в одном полотенце не произвел на него ни малейшего впечатления.

Ринка поджала губы. Где-то в горле уже стояли злые слезы.

Она ведь переживала за него! Искренне! Боялась, что он умрет! А оказывается, ему не нужна ее помощь.

Ну и гхарр с ним!

– Ты что, мой папочка? – бросила, глядя на него исподлобья.

– Нет, я твой муж, если ты не забыла.

Ринка похолодела.

Об этом она действительно забыла на пару минут. Особенно о том, что сейчас их брачная ночь, а за дверью ждут доказательств подтверждения брака.

Разом сникнув, она развернулась и поплелась к деревянной кровати, рассчитанной на двоих. Трактирщик постарался на славу, приказав застелить по такому случаю свежие льняные простыни и саржевое покрывало в цветочек.

– Стой! – резкий оклик заставил вздрогнуть.

Она настороженно посмотрела через плечо.

Брент сидел с таким лицом, будто вспомнил что-то жизненно важное.

– Ты не ела.

Это прозвучало как обвинение.

- Нет, - Ринка бросила на краюху голодный взгляд и сглотнула.

Подтверждая ее слова, раздался громкий ропот желудка.

- Ты должна есть. Садись.

Первый порыв - кинуться к столу, схватить в одну руку хлеб, в другую сыр и начать набивать ими рот.

Но Ринка сдержалась. Перевела взгляд на Брента.

- Это приказ? - спросила, пряча руки за спину и сжимая там кулачки.

Мужчина нахмурился. Казалось, он не понял вопроса. Потом качнул головой:

- Нет. Но ты голодна.

Это была абсолютная правда.

Ринка колебалась. Сидеть за одним столом, так близко к нему... Сможет ли она есть под этим тяжелым, назойливым взглядом?

- А ты?

- После тебя.

Так себе перспектива.

- Будешь смотреть мне в рот?

- Нет, пойду в душ.

Щеки Ринки вспыхнули ярким румянцем. Она же выплескала всю воду! Нужно предупредить...

Но вместо этого язык сам замолел:

- А как же рана? Может, я все-таки посмотрю? Вдруг нужно перевязать...

- Не нужно, - отрезал мужчина, вставая.

Он отошел от стола и начал раздеваться, с совершенно бесстрастным лицом снимая себя одежду предмет за предметом и аккуратно складывая на стул. Первым снял перевязь, повесил на спинку. Почти любовно погладил меч, положил в изголовье кровати. Сев, снял сапоги. Затем стянул через голову кольчугу, стеганый поддоспешник и выпростал из-за пазухи рубаху.

Дальше Ринка смотреть не стала. Внезапно смутившись, она мышкой прошмыгнула к столу. Опустила голову, чтобы спрятать пылающее лицо, и взяла кусок хлеба.

Но где-то внутри зрело робкое любопытство. Хотелось повернуться и посмотреть, как этот могучий, пугающий человек выглядит без одежды.

Но Ринка оправдывала это грешное желание заботой о самочувствии своего спасителя.

Она глянет только одним глазком. Не из праздного любопытства! Ей нужно убедиться, что его рана не представляет опасности...

Не выдержав, она оглянулась.

Брент стоял у кровати в одних полотняных штанах, повернувшись спиной. По его богатырской спине, бугрящейся мышцами, танцевали блики свечей. Но не это заставило девушку беззвучно ахнуть.

От пояса Брента вверх шла черная татуировка. Ствол дуба, оплетенный колючей лозой. К лопаткам он переходил в раскидистую крону, на которой неизвестный мастер с особой тщательностью выписал каждый листочек. Необычайно реалистичные ветви и лозы оплетали плечи и руки мужчины. И что-то подсказывало, что они продолжают у него на груди.

С трудом оторвавшись от созерцания рисунка, Ринка поискала глазами рану.

Ее не было. Ни малейших следов.

Если не считать рубец в районе печени, который уменьшался и белел на глазах.

Как зачарованная, Ринка уставилась на него. И не заметила, что Brent обернулся, не почувствовала его взгляд.

– Насмотрелась?

Спокойный голос обрушился ушатам холодной воды.

Девушка вздрогнула, ее взгляд заметался, щеки предательски заалели.

– Я... я только хотела...

Он не дослушал. Ему было не интересно, что там думала юная полукровка, никогда не видевшая голых мужчин.

Развернувшись, Brent направился к занавеске, отделявшей уборную.

– Когда я вернусь, – услышала Ринка, – ты должна быть в постели.

И ждать...

Разумеется, последнее она додумала сама. Brent ничего такого не говорил, но это было неважно. Воображение девушки заработало с утроенной силой, когда занавеска закрылась за ним.

Он такой... большой. Просто огромный! Она никогда не видела настолько мощных людей.

О нет, не людей! Об этом не следовало забывать.

То, как быстро на нем заросла рана, было еще одним доказательством его нечеловеческого происхождения. Но кто же он?

Несмотря на недавний голод, Ринка жевала не чувствуя вкуса еды. Все ее мысли толпились вокруг личности Брента. Все чувства и эмоции были направлены на него. Она прислушивалась к тому, что происходило в уборной, напряженно ловя каждый звук.

Вот он тяжело выдохнул. Пробурчал что-то неразборчивое под нос.

Вот звякнула пряжка ремня и зашуршали штаны, скользя по его ногам.

Послышалось шлепанье босых ног.

Скрип поворачиваемого крана.

Ругательство.

Ринка сжалась, втянула голову в плечи.

Удар по трубе, отозвавшийся металлическим гулом.

Все мысли вылетели из головы. Остался только панический страх.

Он убьет ее! Сейчас войдет в комнату и убьет!

Она вскочила, заметалась по комнате, ища, в какой угол забиться. На глаза попала кровать. Единственный предмет мебели, который мог сойти за укрытие.

Недолго думая, девушка нырнула под нее. Протиснулась ужом в узкое пространство, собирая на себя грязь и пыль. Видно, местные служанки не считали нужным мыть под кроватями. Замерла, не дыша.

Раздались шаги.

Ринка похолодела.

Сердце колотилось где-то в ушах, горло от страха совсем пересохло, а в носу свербело от пыли. Отчаянно хотелось чихнуть, но она боялась даже пошевелиться.

Вот на пороге уборной показались две босые ступни, переходящие в мощные голени, каждая толщиной с ее бедро, не меньше. Крупные такие, бугрящиеся мышцами, перевитые венами и сухожилиями. И покрытые золотистым пушком.

Что было выше – Ринка не видела. Кромка деревянной основы, на которой крепились ножки, закрывала обзор.

Но вот ступни развернулись в ее направлении. Сделали шаг, другой...

Она зажмурилась, безуспешно пытаясь сдержать щекотанье в носу.

Но это было сильнее ее.

Шаги приближались...

От напряжения ее тело покрылось испариной. Казалось, даже волосы на затылке встали дыбом...

Но вот все звуки исчезли. Буквально на миг, на долю секунды Ринка будто провалилась в беззвучную яму. А потом громко самозабвенно... чихнула.

Раздался надсадный скрип деревянной конструкции, и ей в лицо хлынул свет.

– Вылезай.

Она чуть-чуть приоткрыла ресницы. Глянула снизу вверх.

Брент стоял перед ней в закатанных по колени штанах и одной рукой придерживал кровать, поднятую под углом. Голос его звучал абсолютно бесстрастно. Но от этого спокойного тона Ринке захотелось провалиться сквозь

землю.

Она представила, что он сейчас видит. И мучительный стыд заставил ее покрыться пунцовыми пятнами.

Хороша невеста. Лежит под кроватью в одном полотенце, вся перемазанная в пыли. Волосы всклокочены, на носу паутина...

– Вылезай, если не хочешь чтобы я тебя вытащил, – повторил Brent.

И Ринка поняла, что это не пустая угроза. Он действительно это сделает. Но собственная глупость раздражала и злила, затмевая здравый смысл. Все, о чем она могла сейчас думать, так это как теперь с достоинством выпутаться из дурацкого положения?

– Мне и здесь хорошо, – пропищала она, пытаясь придать лицу независимое выражение.

Договорить не успела.

Brent молча нагнулся. Его глаза мелькнули перед ее растерянным взором. В эту минуту в них серебрилась сталь. А потом он свободной рукой сгреб полотенце у нее на спине и буквально выдернул из-под кровати.

С громким визгом Ринка рухнула на постель.

– Все? – раздалось спустя минуту, когда она перестала визжать. – Теперь мы можем нормально поговорить?

Она с опаской открыла глаза. И рвано выдохнула.

Brent стоял рядом, сложив руки на могучей груди и сверля ее непроницаемым взглядом.

Это было так стыдно. Так мучительно стыдно!

Она вела себя как ребенок!

Что на нее нашло?

– Я тебя пугаю.

Он не спрашивал, он констатировал факт.

Она чуть кивнула.

Лежать перед ним распластанной лягушкой было столь же унижительно, как и прятаться под кроватью. Но Ринка боялась пошевелиться.

Брент нахмурился.

– Извини. Нам придется привыкнуть друг к другу. Я тоже... – он помолчал, подбирая слова, – в каком-то смысле тебя боюсь.

От этого признания ее глаза распахнулись во всю ширь.

Он ее боится??? Неимоверно!

– Я не знаю, как с тобой обращаться, – пояснил мужчина все тем же невозмутимым голосом. – Я не силен в общении... – его взгляд скользнул по ней, отмечая задравшееся выше колен полотенце, – с детьми.

С детьми?

Ринка потрясенно вздохнула.

Так вот кто она для него. Ребенок! Дитя!

И как сюда вписывается их брачная ночь?

Видимо, что-то отразилось у нее на лице. Потому что Брент внезапно нахмурился.

– У нас осталось не так много времени до рассвета, – пробормотал он, бросая взгляд на окно, где между ставней чернела полоска ночного неба. – Нужно попытаться хотя бы поспать, раз уж помыться не вышло.

Только теперь Ринка заметила, насколько уставшим он выглядит. Его лицо осунулось, черты заострились, на щеках проступила щетина, а под глазами темнели круги. Даже рубцы стали резче выделяться на коже.

Она опустила взгляд и невольно наткнулась на бурые пятна, покрывавшие его грудь. Кровь. Он так и не смог ее смыть.

– Прости, – пролепетала она, подстегиваемая чувством вины. – Ты наверно думаешь, что я... я...

Девушка судорожно сглотнула, не в силах говорить дальше, и замолкла.

Брент молча сел на стул и посмотрел на нее.

– Нет. Я не думаю ничего из того, что ты могла напридумывать, – произнес он минуту спустя.

– Н-но...

– И я не насилую маленьких девочек.

Глава 8

В окнах уже занимался рассвет. А значит, пришло время исполнить данное слово. Консуммировать брак. Вернее, предоставить доказательства, что консуммация произошла.

Приподнявшись на локте, Брент посмотрел на девушку. Та почти всю ночь беспокойно ворочалась у него под боком, то вздыхая, то что-то шепча. Но, в конце концов, все же уснула. Сейчас она спала как младенец. Свернулась в клубочек, натянув на себя все одеяло, положила ладонь под щеку и тихонько посапывала.

Он мог бы по пальцам пересчитать, сколько раз просыпался в постели с женщиной. И ни разу – с девственницей. Тем более столь юной.

Брент сказал Ринке правду. Он убийца, но не насильник. Если ему нужна была женщина, он знал, где ее найти.

Но в этот раз обстоятельства свели его с шестнадцатилетней девочкой, и он просто не представлял, как с ней обращаться. Он знал, как вести бой одновременно с шестью противниками, но терялся, стоило Ринке лишь поднять на него глаза. Под ее немного растерянным, немного испуганным наивным взглядом первый воин Эльвериолла чувствовал себя редкостным негодяем.

Особенно, если учесть то, что им движет.

Некстати вспомнилось последнее напутствие аэра. И его резкий тон:

– Ни один волос не должен упасть с ее головы, помни об этом. Делай что хочешь, но доставь ее живой и невредимой. Иначе ответишь за это собственной жизнью!

Брент давно привык к подобным заданиями и угрозам. Вот уже больше ста лет он верой и правдой служил Эльвериольскому королевскому двору и не раз защищал правящий род от посягательств со стороны. Тогда, шестнадцать лет назад, был как раз такой случай.

Светлые эльфы живут долго, очень долго, но, в конце концов, и они умирают. Король Танатаэль Каламрис правил почти триста лет, но пришел его час, и он, попрощавшись с родными, тихо угас в своей спальне. Оставив малолетнего сына наследником трона и назначив аэра Лиатанари регентом королевства.

Но как всегда, нашлись те, кто был недоволен этим решением. На это раз Алиэрн Джиттинат – племянник Танатаэля.

Ведомый внезапным порывом, Брент осторожно отвел растрепавшиеся пряди с лица девушки. И присмотрелся.

В малышке не было ничего от отца, по крайней мере, он не смог разглядеть характерные для Джиттинатов черты. А вот от бабки – младшей сестры короля – ей достались высокие скулы, форма глаз и бровей. Любой, кто знал Рианэль Каламрис, мог бы сказать, что девчушка похожа на нее, как две капли воды.

Но именно это родство сыграло плохую шутку с ее семьей. Алиэрн решил, что имеет столько же прав на трон, сколько и сын короля. И поплатился за это собственной жизнью. А еще жизнями сотен приверженцев, вставших под знамена мятежного герцога.

И вот теперь, спустя столько лет, последняя из рода Джиттинат должна вернуться на родину предков. Кто бы знал, что судьба так посмеется над древним эльфийским родом? Что полукровка, дочь мятежника и человечки, внучатая племянница покойного короля и троюродная сестра нынешнего – станет последней надеждой Эльвериолла...

Ресницы девушки дрогнули. Брент почувствовал, как изменилось ее дыхание, и нахмурился.

– Просыпайся. Пора кончать с этим фарсом.

По телу Ринки прошла мелкая дрожь. Но она все же открыла глаза, сообразив, что притворяться спящей бессмысленно. Медленно села, натянув одеяло до самого подбородка, и уставилась на мужчину расширенными от страха глазами.

Значит, он ей не приснился...

Тот выругался сквозь зубы.

– Да не трясись так, не съем, – бросил в сердцах. А сам взвесил на раскрытой ладони кинжал, всю ночь пролежавший под подушкой. – Мне нужно немного твоей крови.

– З-зачем?

Собственный голос показался Ринке слабым и жалким. Нависший над ней мужчина выглядел устрашающе, особенно если учесть его хмурый вид и острый клинок в руках.

– Там за дверью ждут доказательств, – лицо Брента исказила кривая ухмылка. – И наверняка у судьи имеется артефакт, чтобы проверить их достоверность. Не бойся, – добавил, поймав ее взгляд, – я возьму пару капель. Ну!

В его восклицании прозвучал скрытый приказ, и девушка невольно подчинилась. Вздвигнув, она протянула ему руку.

Теплые сильные пальцы сжались на ее запястье. Ринка судорожно вздохнула и закрыла глаза, когда Brent погладил середину ее ладони. Легко, почти невесомо скользнул по чувствительной коже, но от этого прикосновения по телу девушки поползли щекочущие мурашки.

– Я постараюсь сделать это не больно, – раздался его изменившийся голос. – Расслабь руку.

Легко ему говорить! Пробовал бы он сам расслабиться на ее месте.

Ринка закусил губу. Открыть глаза и посмотреть, что происходит, было еще страшнее, чем ничего не видеть. Но оставаться в неведении оказалось выше ее сил. Пойдя на компромисс со своим страхом, она чуть-чуть приоткрыла ресницы.

Бrent держал ее ладонь в своей руке. И выражение его лица было более чем странным. Мужчина будто удивлялся тому, что видит.

Но вот он поднес кинжал. Ринка напряженно застыла.

– Нет, так не пойдет, – пробормотал Brent. – Ты должна довериться мне, иначе ничего не получится.

И он снова погладил ее.

Девушка рвано выдохнула и постаралась расслабиться. Это получилось не сразу, но прикосновения мужских пальцев словно околдовали ее. Она зачарованно

установилась на клинок, скользящий по ее коже.

Вот появилась красная полоса, а следом показались и капли крови. Боли не было, как он и сказал.

Брент сжал ее руку в кулак, и кровь заструилась вниз на постель. Не в силах оторвать взгляд, Ринка смотрела, как на простыни расплываются пятна. Когда они стали размером с монету, Брент заставил ее разжать пальцы.

– Вот и все, – шепнул он чужим голосом.

А потом, внезапно нагнувшись, пощекотал губами ее ладонь.

Ринка почувствовала, как теплый язык скользнул по порезу, и все ее тело охватила странная дрожь. Слово наэлектризовался каждый нерв, каждая жилка. А где-то внизу живота стало тепло...

Но вот Брент выпустил ее руку и отстранился.

На смену теплу пришел холод. Девушке захотелось обхватить себя руками, чтобы согреться.

– Пока они выяснят, что их обманули, мы будем уже далеко. Но сначала найдем тебе подходящее платье.

Она моргнула, сбрасывая наваждение, и с удивлением глянула на него. Потом опустила взгляд на ладонь.

Никаких следов пореза не было. Слово ей все приснилось.

Но пятна на простыни утверждали обратное.

– Как... как ты это сделал?

Он поднялся и с невозмутимым лицом собрал простынь в комок.

– Одна из особенностей моей расы. Сиди здесь, я скоро вернусь.

Ринка нервничала. Собственные ощущения пугали и озадачивали ее. Почему она так отреагировала на прикосновения Брента? Что он с ней сделал? Заворожил? Наложил какое-то заклинание?

Если бы она только знала, кто он такой!

Не человек – это единственное, в чем она была уверена точно. И не эльф.

Устав от бездействия, она сползла с кровати и, завернувшись в одеяло, прошлепала к окну. Прижалась, зажмурился один глаз, к щели между ставнями.

На улице занимался рассвет. Внизу, под зданием, стояла лошадь с телегой, полной свежего сена. Там же о чем-то судачили два человека в серых куртках прядильного цеха. Мимо, беспечно смеясь, прошла стайка девушек в зеленых фартучках – цветочницы.

Город просыпался. Люди спешили по своим делам. Для них это утро ничем не отличалось от всех предыдущих. Все было как и всегда.

Вздыхнув, девушка оторвалась от окна.

Брент закрыл ее и ушел всего десять минут назад, но ей казалось, что прошла целая вечность. Ждать его в одиночестве было просто невыносимо.

Она прислушалась к звукам, доносившимся из-за двери. Там хлопали двери, поскрипывали половицы под чужими шагами, доносились кашель и тихие голоса.

Ринка не могла разобрать слов, но общий тон был спокойным, и это позволило ей немного расслабиться.

Что бы там ни происходило, беспокоиться пока было не о чем.

Но вот ее слух различил знакомую походку.

Брент.

Он поднимался по лестнице уверенным шагом.

Ринка вслушалась, почти не дыша. Но, казалось, мужчина был абсолютно спокоен.

Она так и стояла столбом посреди комнаты, пока он не вошел.

– У тебя пять минут, – не глядя в ее сторону, Брент бросил на кровать разноцветный комок.

– Что это? – отмерла Ринка.

– Одежда.

Коротко и лаконично.

Она хотела спросить, где он это взял, но передумала. Почему-то знать о происхождении вещей совсем не хотелось, как и о том, каким образом он их заполучил.

Тем временем Брент занялся своей экипировкой. Подойдя к стулу, на котором лежали его вещи, он начал сосредоточенно одеваться. И, казалось, не обращал на девушку никакого внимания.

Ринка с минуту наблюдала за ним. Потом, приблизившись к кровати, подхватила одежду и прижала к груди, не зная, что делать дальше.

Они муж и жена. И логично, что она будет одеваться при нем, так же как и он сейчас делает.

Но с другой стороны...

Он не консуммировал брак.

Значит ли это, что вся затея с обрядом была только ради ее спасения? Или им движет что-то еще?

И должна ли она в таком случае вести себя как жена?

Мысли переполняли голову. Ринка металась, не зная, как поступить. Пока Brent внезапно не обернулся и не окатил ее тяжелым взглядом.

- Ну? - он явно рассчитывал увидеть ее одетой.

Это короткое восклицание подействовало на Ринку как шпоры на лошадь. Встрепенувшись, она бросилась за занавеску.

Не ахти какое укрытие, конечно, но от случайно брошенного взгляда спасет.

Откуда-то она знала, что Brent не будет подглядывать специально. Ему это не нужно. Если он захочет увидеть ее голой, то просто войдет. Если захочет чего-то еще - просто сделает это. Не спрашивая, не рассуждая, не заботясь о чьем-то мнении. Даже ее.

От этой мысли Ринка поежилась. Скинула одеяло, под которым была почти голая, если не считать туники-полотенца, и начала одеваться.

Brent раздобыл для нее панталончики, лиф, чулки, короткую нижнюю сорочку и платье. Все было не новым и довольно простым, но чистым и пахло моющим средством. А еще в платье оказались завернуты туфли с блестящими пряжками и лента для волос. Обычный наряд местных женщин.

Быстро переодевшись, девушка глянула на себя в зеркало. Здесь оно было не очень большим, но достаточным, чтобы увидеть себя и оценить результат.

Теперь на Ринку смотрела взъерошенная и очень бледная горожанка, которую выдавали слишком изящные черты и заостренные кончики ушей.

Она пробежалась взглядом по полкам, ища гребень. Но вчера его не было, и сегодня он тоже не появился.

- Время! - раздался сухой голос Брента. - Нужно уходить.

Девушка встрепенулась.

Он встретил ее пронзительным взглядом. Осмотрел с ног до головы и остановился на спутанных волосах.

- Почему не убрала волосы?

- Мне нечем их расчесать, - она пожала плечами, почему-то испытывая неловкость под этим взглядом.

Мужчина нахмурился.

- Этого я не учел, - признался он таким тоном, будто это удивило его самого. - Ладно. Попробуем так...

Ринка не успела отреагировать, а он был уже рядом. Его рука, едва касаясь, прошла по ее волосам. От ладони разливались физически ощутимые потоки, в то время как губы мужчины тихонько шевелились, словно он что-то шептал.

Взгляд девушки прикипел к этим губам.

- Что... что ты делаешь? - с трудом выдохнула она.

Близость мужчины подавляла и в то же время вызывала в ней беспокойство.

- Все, - Брент криво ухмыльнулся и убрал руку. - Небольшое заклинание. Помогает ухаживать за лошадьми на перевалах.

Ответная реакция его позабавила.

Тонкие брови полукровки взмыли вверх. Она схватилась за голову и замерла, изумленно хлопая ресницами.

- О... ой... - это все, что она смогла выдавить из себя.

Волосы, минуту назад торчавшие во все стороны одним колтуном, сейчас струились по ее спине и груди блестящим ровным потоком волосок к волоску.

Внезапно взгляд мужчины изменился. Brent прищурился, прислушиваясь к чему-то. Потом прошипел сквозь зубы без всяких изысков:

- Быстрее! Мы задержались.

Уже на ходу Ринка заплела простую косу и скрепила ее конец лентой.

- Сейчас спускаемся вниз, - продолжал инструктировать Brent, крепя меч к поясу, - и помни, для всех ты моя жена, так что веди себя соответственно.

Она кивала, не слишком задумываясь над смыслом слов. Но сердце колотилось как сумасшедшее. Неужели все это правда? Неужели она сейчас беспрепятственно выйдет отсюда и никто ее не остановит, не схватит за руку, не потребует ничего?

А что дальше?

Brent не дал ей развить эту мысль.

- До портала тебе придется ехать со мной в одном седле, - напомнил он. - Но на этот раз позади. Мне нужны свободные руки

- До портала? - она вскинула на него встревоженный взгляд. - Но зачем?

- А ты думала, я останусь в этом гостеприимном городишке? - по его губам скользнула кривая ухмылка.

- Нет... но куда мы...

– Узнаешь.

Сказал, как отрезал.

Ринка дернулась, словно налетела на невидимую стену. Ее новый муж чего-то недоговаривал, и это ее тревожило. Но с другой стороны, разве может она ему помешать? К сожалению, нет. Сенешаль недаром поставил в условие божественный брак, знал, что делал.

– Идем, – Brent взял ее за руку.

– А... стража?

– Они не посмеют. По крайней мере, пока из лаборатории не доставят ответ, что кровь была... – он усмехнулся и тряхнул головой, – не совсем той, что нужно.

Глава 9

Brent оказался прав. Они беспрепятственно спустились на первый этаж. Пока он рассчитывался с трактирщиком, Ринка стояла рядом, опасно поглядывая на двух стражников в гвардейских кирасах.

Те сидели за столиком хмурые, сонные, но молчали. Только бросали на полукровку недовольные взгляды. Из-за нее им пришлось проторчать всю ночь в этом трактире без возможности пропустить по стаканчику. А судья, между тем, преспокойно почивал на подушках и не думал о страданиях подчиненных.

Расплатившись, Brent взял Ринку за руку и повел к выходу. Девушка все ждала, что сейчас кто-то окликнет их, перехватит, не даст покинуть трактир.

Но этого не случилось. Никто не посмел останавливать угрюмого мужика со зверскими шрамами на лице. Даже стражники смотрели ему вслед с уважением: вчера на ристалище он смог победить лучшего мечника города. И не просто

победить, а и проявить благородство по отношению к сопернику. Он мог бы его убить, ведь тот нанес ему удар в спину. Но не убил. И даже после всего протянул руку и помог подняться на ноги.

Улица встретила утренней прохладой.

– Замерзла? – Brent заметил, что девушка поежилась. И тут же набросил ей на плечи свой плащ.

– Спасибо...

В свете всех предыдущих событий такая забота настораживала. Но Ринка решила отложить выяснение отношений. Brent прав, им нужно убраться подальше от этого города, а потом она обязательно спросит, зачем он женился на ней.

– Это Энхалль, но ты с ним уже знакома, – мужчина усмехнулся, помогая ей влезть на коня.

– Красивое имя, – пробормотала девушка. – Что оно означает?

– Быстрый, как молния.

Конь, будто понимая, заржал. Но тут же насторожился, почувствовав чужака.

– Поздравляю с законным браком, – прозвучал едкий голос, от которого по телу Ринки заструился озноб. – И как, благородный эрл доволен избранницей?

Снова? Почему он не даст ей покоя?!

Она застыла на лошади, не решаясь оглянуться и встретиться лицом к лицу со своим страхом. Вспотевшими ладошками вцепилась в плащ.

Вместо нее заговорил Brent.

– Опять ты, – произнес он тоном, не предвещающим ничего хорошего. – И не спится в такую рань?

– О, я не мог спать, зная, что этот юный цветок достался чудовищу.

Эти слова заставили девушку оглянуться.

Герхард стоял в нескольких шагах, засунув руки в карманы. Его сюртук был расстегнут, на жилете и манишке красовались винные пятна, взлохмаченные волосы торчали в разные стороны. На помятом лице читалась бессонная ночь.

А еще от него несло перегаром.

Поймав ее взгляд, Герхард ответил глумливой ухмылкой:

– А, так ты ничего не знаешь? Как жаль. – Он хихикнул. – Но я-то догадался кое-что проверить.

– Замолчи.

Тихий, угрожающий тон Брента заставил девушку вздрогнуть. Но Герхарда было уже не остановить. Все это время он не мог найти себе покоя. С тех пор, как заглянул в эльфийские глаза полукровки. Эта тварь забрала его душу, заморозила, привязала к себе. Женщины, выпивка, азарт – больше ничто не могло доставить ему удовольствия. Все, о чем он мог думать – это она.

И сейчас ему хотелось лишь одного: уничтожить ее, растоптать, освободиться от наваждения.

– Лучше бы ты стала моей, – пробормотал он, не замечая ничего, кроме распахнутых глаз. – Ты понятия не имеешь, кто он такой. Твой спаситель вовсе не святой паладин. Он нелюдь. Чудовище. Не человек...

Договорить не успел. Рухнул на землю, сраженный одним ударом. Ринка с мгновение смотрела на его скрючившееся тело, потом подняла взгляд на Брента. Тот стоял над Герхардом с замкнутым, ничего не выражающим лицом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.me/ru/uglickaya_alina/nevesta-el-fiyskih-krovey

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)